

**ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА
МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ 1967 ГОДА**

Н. Ерышев. РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ
(Первая премия)

№ 12 июнь 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

16. «Г О Р Ы В Ы Р У Ч И Л И...» (1904, июнь — декабрь)

Владимира Ильича часто изображают как-то аскетом, добродетельным филантропом-семьянином... Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее во себя... Владимир Ильич умел брать от жизни ее радость. Любил он окупать свой труд...

Н. Крупская

1903—1904 годы стали для Ленина годами суровых политических уроков. В идельной борьбе против меньшевистских раскольников он увидел наиболее отталкивающие особенности оппортунизма с его беспринципной самолюбией. Безудержной клеветой. Личным сплетничеством протравился.

«Мы же не дети, выдвигали тяжелые времена...»

К тому периоду и восходит основные на личном опыте ленинские оценки общественного положения меньшевиков и других реформистских марксистов. Оценки эти содержатся в статьях 1908—1913 годов — о новой фракции примиренцев или добродетельцев и «Искр В. Б. Ансельер» разоблачает ликвидаторов». Обобщенные характеристики написаны Лениным с натурой — на сей раз меньшевистской:

— Не могу не заметить... постановка вопроса, когда в объяснение политических явлений приводится то-то и то-то порочность одних и добродетельность других, всегда напоминает мне те афишированно-благообразные физиономии, при виде которых навально пролетит мысль «а вероятно, это — шушеры».

— Ни одна принципиальная борьба групп внутри социал-демократического движения не обходится НИГДЕ НА СВЯТЕ без ряда личных и организационных конфликтов. Выглядывают специально «конфликтные» выражения — дело партийности. Смутиться этим конфликтным, отвлекаться от них безнадёжно или пренебрежительно... дескать, все так силком — могут лишь слабовольные дилетанты из «сочувствующих». Серьезно интересующиеся рабочим движением люди всегда научатся... этому можно и должно научиться... изучая хотя бы историческую роль великих деятелей рабочего движения, отнаться «конфликтности» сторону борьбы идей, борьбы течений от стороны принципиальности... Есть и посещая литераторы-партийности... специально пофобризовать «из тех времен» бумажки обвинения в тысячах и одной нечестности... Но есть серьезные социал-демократы, искрящиеся идейные корни разногласий, принимавших неизбежно при расколе отдельных групп, при эми-

грантной обстановке жизни и прочем) форму отчаянно-силкомных конфликтов.

Одной из мнений ленинской критики оказалась, по печальной необходимости, колеблющаяся позиция Горького. Летом того же 1912 года Ленин пишет ему:

— Нет, горько, нету, нехорошо Вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную — отмахиваясь: «как вы сильны!». О «силе» у социал-демократов! Любит кричать буржуа, либералы, эсеры, которые и «большим вопросам» относятся несерьезно, плетутся за другими, дипломатично, проявляются эллитизмом. Разница социал-демократов от всех них та, что у социал-демократов силой обложена группа групп с габусными и несмысленными нормами, а у них у силком внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, извержна. Никогда ни за что не променяли бы и разовой борьбы течений у социал-демократов на приманку пустоты и убозности эсеров и К'.

Критика «слабовольных дилетантов из «сочувствующих» в статье и письме совпадает дословно... Еще в 1903—1904 годах Ленин приходит к тем политическим выводам о меньшевистских идеетниках и демократах, которые они сформулирует десятилетие спустя в статье «Примиренцы буржуазной интеллигенции против рабочих»:

— Кулаки и жуаны Мартова неспособны и организованою действию: соизвать ту или иную коллегию, собрать сведения, исследовать политический интерес или значение, проверить, проанализировать, обдумать вместе, вывести формулы, ответственнее дальнейшее указание пролетариату, решение. Кулаки на это неспособны.

Зато болтать и сплетничать, ходить к Мартову (или и подобному ему грязным идеетникам) или от Мартова и подговаривать темные слуги, ловить и передавать дальше наветы... о, интеллигентские нушущим танке мастера на этот ИК видел хоть раз в жизни эту сорду сплетничавших интеллигентских кулаков, тот наверное (если он сам не кулаки), косякрант на все время отращенно и этим мерзостным существам.

Каждому свое. У каждого общественного слоя свои «мелочные жизни», свои привычки, свои силкомности. У каждого насенного свое оружие борьбы: есть насенное, борющисья выделением вонючей моздички.

Возмущаясь в Иевлеву началу вены и ленинские высказывания о борьбе с меньшевизмом в 1917—1921 годах. Весной 1917 года в лекции «Война и революция» Ленин говорит о меньшевиках и эсерах:

— Я несколько десятилетий видел эти партии, и уже 30 лет акуюсь в революционном движении. Подумайте и меньше всего силком сомневаться в их добрых намерениях. Но дело не в этом, дело не в добрых намерениях. Добрым намерениям выходящ ая.

О своем революционном стане Владимир Ильич писал в статье о насенном и политическом опытом идейной борьбы с противниками большевизма. Год спустя он заявляет на Съезде съезде партии:

—... мне много пришлось пережить французских стонилингов, расколов, так что я имею полную эсерских делегатов Четвертого съезда Со-

— Я достаточно выдвигал виды в истории революции... вступать и насилием и политическими взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассудить... Я надеюсь, что я за долгие годы революции кое-чему научился и, когда

меня поносит за предательство, я говорю, нужно разоблачать предательство в истории.

Выступая в ваче в июле того же 1916 года на Пленуме Съезде Советов, Ленин снова называет себя человеком:

— Индивидуизм партияных разногласий, революционных споров... А 27 ноября на собрании партийных работников Москвы он вспоминает:

— Пятнадцать лет тому назад споры шли об основной линии в принятии, споры эти мне приходилось вести, и сомнению, главным образом за границей, а в России...

В декабре следующего 1919 года Владимир Ильич излагает основы... пятнадцатилетнего избодления... товаричи, наблюдав развитие и происхождение деятельности меньшевиков, пожелай, больше и внимательно... что вовсе не было так приятно... чем кто бы то ни было другой.

Весной 1921 года на Десятом съезде партии Ленин замечает:

— Мы же не дети, выдвигали тяжелые времена, выдвали расколы и переживали их, и знаем, нам они не чужды.

О типично изустном меньшевистском лицемерии он пишет и воссоздает лет спустя в статье «О чужд»:

— Меньшевики «приминаются» и РНР не только и даже не столько из максимализма (хотя по части принципов буржуазной дипломатии меньшевики еще с 1903 года доказали, что они первоклассные мастера в этой области), сколько из-за их «приспосабливаемости». Верный сполучитель отличается приспособляемостью (но не всякая приспособляемость есть оппортунизм), и вынуждены, как оппортунисты, приспосабливаться, так сказать, «на принципы» и господствующему среди рабочих течению, перемариваясь в защитный цвет, как лацц становится белым зметом. Эту особенность меньшевиком надо знать и надо ее учесть.

Выступая в конце марта 1923 года о политическом отчетом Центрального Комитета партии на ее Одиннадцатом съезде, Ленин говорит о Гречко своей конференцией, из которой советские представители во главе с Чичеринам борются против «единого фронта» дипломатов империалистических государств:

— Там мы уже видели, как это делается, там мы научились многому, испытали буржуазную дипломатию. Это такая штука, которую нас меньшевики 13 лет учили и учились по плану научили.

— У Ильича было одно любимое словечко, но одно — «приспосабливаемость». Всегда начинался полденник не по существу, а перебарыванием и приурочиванием, моллю, он говорил:

— Ну, это уж придраничество... а так... «приспосабливаемость» меньшевиков и большевистской борьбе за партийную дисциплину и партийную единство... ставившиеся в 1903—1904 годах. Продлуд пять лет, и в статье «О фракции сторонников отговизма.» Владимир Ильич резко возразит против отговизнения эсеров «отговизнов» с большевиками — этими, по его мнению, расколу.

—... там, СНАЧАД проводимым трехлетню кампанию старой «Искры» и зарепривились ее линии II съезда партии, а ПОТОМ показавшим поворот новой «Искры!»

Первым среди этих людей партии, много революционных работ, много партийных, много по обыкновению, не о себе, а о всем коллективе старая «Искринов», возгвавших им идейно и организационно...

Из книги В. Яковлева «ЛЕНИН, СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». Начало см. «Смена», 1966, №№ 21—24 и 1967, №№ 1—11.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания срок четвертый
Выходит два раза в месяц
12
ИЮНЬ 1967

Борис СЛУЦКИЙ

Народ переходит на шляпу — с кепки.
Народ переходит на шляпу — с платки.

Зато по-прежнему ценно и крепко
вязанье народного говора.

Больше фабрики производят
по миллиону костюмов в год.
В современном давно уже люди

ходят, модерный производят от мод.

Не акую дурного, что с завода
спешат на стадион и в кино,
тогда готов водить хорошеды
и путь сонниченко очень давно.

Народ течет, как река большая,
авирая в себя миллион ручейков,
никого не заушая, спокойно решаю, что каково.

Понуда жил я в обещантин,
поуду конатины символ,
всленная была обшарива и
цельный мир казался мал.

Теперь, пять лет спустя, — вселенная
в себе, отдельное жальце, —
сумасна моя вселенная,
снимается мое «любо».

Мои товарищи по комнате
спягать стихи мешали мне.
Я уходил бродить по конурту
Москвы. Я жил тогда воине.

Теперь возвращу в обращения
и в домоседа превращаю,
и от всего, что есть на свете,
я всем на свете завещан.

А кто-то обнивает угол,
куда я прежде заганял бы,
в алмаз перекажет угол
и в быт перекажет пил.

Снова заскрипила ось земная.
Заскрипела, воспе — затрещала.
Почему — пока еще не знаю.
Я еще неузнаюся влестя.

Раз земля трясется под ногами,
значит, есть причины у земли.
Сель причины, как будто у нагана,
а барабан причинности вошин.

Снова чашки звякают о блюде,
слова зуб на зуб не попадет.
А причины, что! Они найдутся,
Та как другая — подойдет.

Читатель превращает писателя
сосредоточенно любовью
к родной поэзии, как временами
возможности обороны
превосходящая возможность
наступления, как временами
броня была сильнее пушни,
онто сильнее танка.

Старые рифмы

Хорошая рифма, словно старинное,
остеря проангировано: сыглу — угу,
хорошая, пусть смешанная сторцею,
лепят пластинкой идет под иглу:

все кружи в круженье,
все биецца ево часея,
все пузыри ево бромонья,
эхо всех ево голосея.

Рифмы, подернивающие дугиа векам
русской поэзии, — ево трудны!
Рифмы, истоптаные — половниками!
Рифмы, цветущие — сады!

Не снятые с вооружения, как штук,
траншине на случай рукопашной
схватки,
одава оидутные, как револьверный стик,
необязываемые, как родовые сжатки!

Нет, не случайно, недаром, не просто
первыми в голову приходили они: же
рифмы человеческого роста,
не выше, но и не ниже.

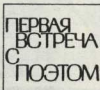
Немало книг успели издать,
предоленно мели и рифмы.
О, если бы мне удалось создать
одну новую старую рифму!

Надежда Мальцева, совсем еще молодая поэтесса, впервые выступила со стихами года два назад и сразу же привлекла к себе внимание любителей поэзии насчитывающего тысячи любителей. Как бы ни была натягива лирическая ситуация того или иного стихотворения И. Мальцевой, ее поэтический мир всегда отнесен к истинно-поэтическим человеческим судьбам. Это не мирок, а большой мир жизни, где общность объединяет, а различие обогащает людей; мир, где в поле зрения поэтессы долгие цепи времени, а не одно линейное время.

Пока что трудно отнести стихи И. Мальцевой к какому-то определенному направлению русской поэзии. Талант ее самобытен, а поэзия в самом разгаре. Поэтесса одинаково интересно мыслит в слове и словом рисует, воображает предметы жизни.

Влияния оптимизма, или весьма разнородны — от эмоционально-напряженной цветастой ритмики до пластичной поэзии И. Бунина. Но somehow, любая поэзия есть раздвигание творческой материи, молодой спонтанности, умеющей быть собой.

Александр МЕКИРОВ

Надежда МАЛЬЦЕВА

Город детства

АЛЕНУШКЕ

Там, в городе детства, я плакала
Там пахло травой, земляничкой и
Из шпалочной тетради в косую
Там голубь бумажный летал на
Дразнил меня там ступеньки и
Вспомнил, собачки, заборы,
Маячки солнце, и зрели орехи...
А я под подушкой хранила доспехи.
Шитом деревянным и медным
Я стойко удары врагов отганяла!
И конь мой в углу на колесах стоял,
И ржанием меня он в поход
привлаивал!

Смордновный куст!
В нем каждый листик шрок.
Какой простой искус
Сорвать под черенок
Твой розовый кружево,
Весь в дождевом поту,
И терпкой твердой соку
Почувствовать ао рту.
Смордновный куст!
Как просто ядунок, лимон
Твоих незрелых бус
И конюны ледок...
Как я хочу поить
Естественные журусы,
Как я хочу обнять
Смордновный куст!

На чердаке

Мое окно висит высоко.
Я наблюдаю, как осека
Завястия улетит свои
Несет и катит, как муравьи
Снуют по берегу, Как река
Из гальки сделала крыльцо
И вынг распыляла его.
Как просто так, из ничего
На небе возникает туча.
Как солнце мягко и колоче
Пронзает облако насказью.
Как под дождя ржывает грядь.
Как листья падают, кружась,
В стужу каменную грязь
Лесной дороги... Пахнет сеном,
Чуть-чуть травой, немного
тленом.

и кемается, что сплетена
Вся наша жизнь из волона
Движений, инстов и гримас.
Но помню танцева для нас
Каприз домка и вздох цекатка...
Ох, как дрожит мое рука!
Творчий мир я мена проинк
И головой и груди принки.
Как просто был твоим листом,
Мой алмый сад!
Мой старый дом,
Как просто быть твоим окном
Под чут утробным чердаком!
Молчу... О тайна естество!
Тебе неведомы слова.

Завалю пожарным
Горело, полюбано...
От ветра сухо слезятся глаза.
На дне озера
Непростохная тина
В следы от комы вобрала небеса.
И девочка
В выгравшем сарафане,
С прутом и босая, козу стережет,
Рукой згорелой
Смочая в кармане
Упавшего зблока сморщивный
плод.

Я на землю упала.
Лесная стала выше.
Лес траншине высоко встал
надо мной.
И, как солнце большое,
Над маленькой-маленькой крышею
Одуванчик свернул белизной.
Мне казалась,
Что травы растут из запястья,
Из плеча моего, из волос...

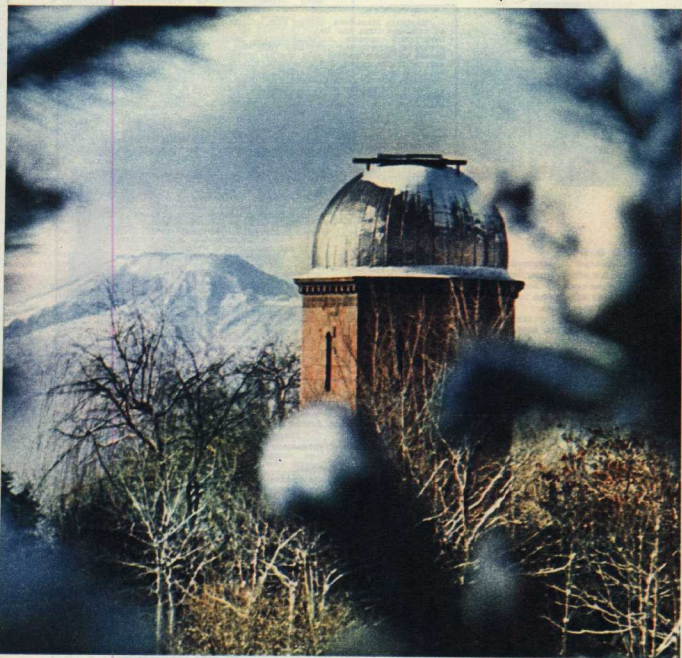
Ощущение зямого,
Зямого ветра
Литный чистый принес.
Я лежала и думала:
«Вот он, дом мой!»
И земля прижималась щекой.
Стрельнула излучинкой.
Солнце входило под кожу.
Было лето, Трава, Облака. И поной.

Военная карьера

В большой войне — нехватка
комсостава.
Немедля слеслет — едва пришлют.
От инженера и до костоправа
в большой войне толковый нужен
люди.

Кто в гору шел! Конечно, агрономы,
Недаром специальность их — поля.
Но также в гору шли унтерла.
Бухгалтеры, над картами, как гномы,
корпеланше.

Большой войне
годилась все разумное и смелое.
Открыть никакого и не делало:
всем очевидная так же, как и мне,
качество — процвет карьеры,
нигде так людья не дается веры,
как на большой войне.

ЗЕМЛЯ, ПРЕОБРАЖЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

ВЕРШИНЫ АРМЕНИИ

Арсен КАКОСЯН

Фото Василия МИШИНА

Лилково-сиреневые склоны гор, ослепительно голубое небо, бело-розовые цветные вкислы, омываля росой зелень альпийских лугов — и над всем этим белоснежные пахла, нахлобученные на остроносичные вершины гор. Если вы на разу не были в Армени, то такое буйство красок могли наблюдать лишь на полотах Мартироса Сарьяна. Ну, а если же судьба забросит вас за Главный Кавказский хребет, вы сможете увидеть все своими глазами. Достаточно совершить путешествие из Еревана в Бюракан. К тому же теперь вообще не принято быть в Армени и не побывать в Бюракане. Не только красотоми

своими очаровывает это крохотное село, приютившееся на склонах четырехглавого Арагаца. Вот уже десять лет называют Арагац горой ученых.

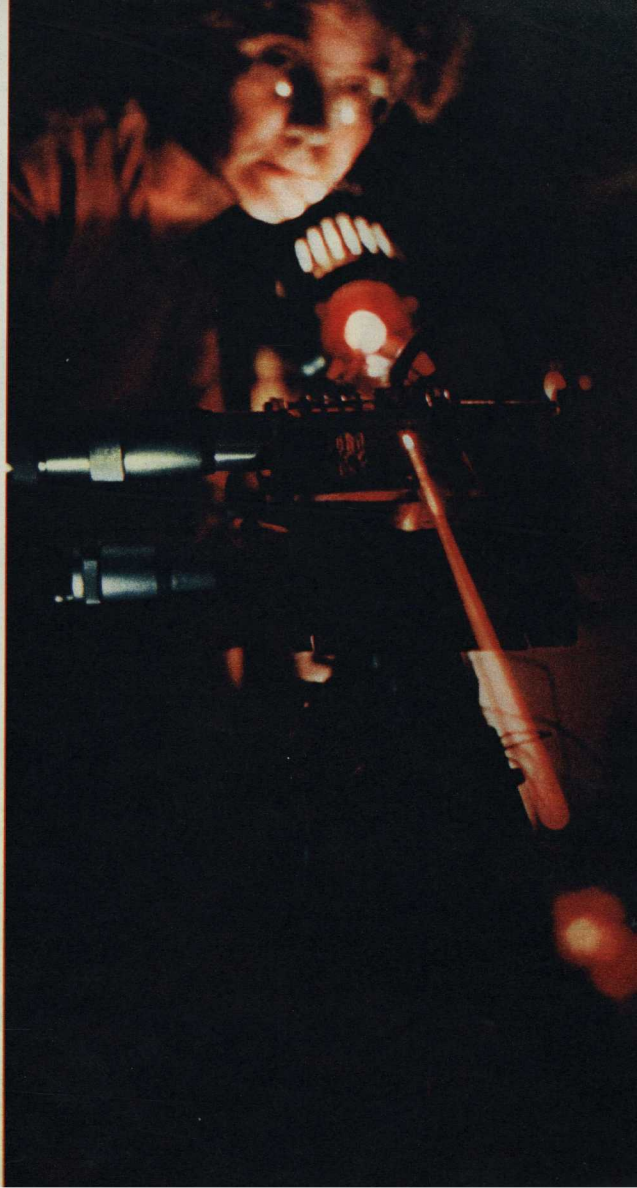
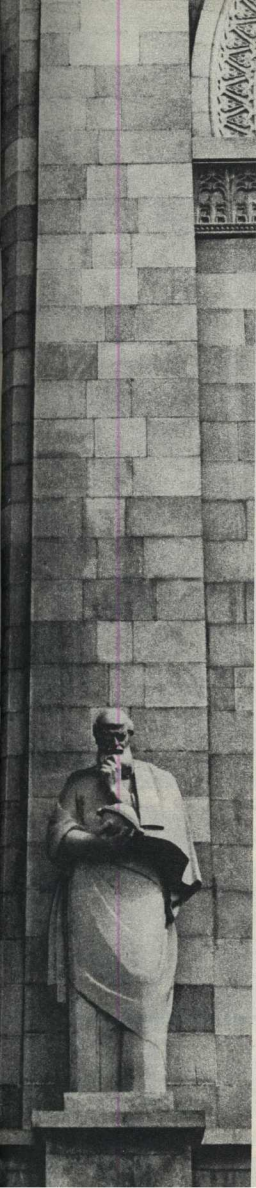
Почти у самой вершины горы находится станция ереванских физиков, занимающихся изучением элементарных частиц. Пять лет назад Ереванский Физический институт провел здесь симпозиум по элементарным частицам и физике частиц высоких энергий. Вскоре выяснилось, что изданные отдельными томами труды ищонные становятся настольной книгой физиков всего мира. А само мероприятие, ставшее традиционным, в кругу ученых прочно получило название «весенней школы физиков».

В прошлом году, на пятую «весну»,

На фоне горных вершин — один из телескопов Бюракана.

Выдающийся армянский ученый Аняий Ширакаци жил тринадцать веков назад. За базальтовыми стенами Матенадарана, Института древних рукописей, народ бережно хранит его труды.

Луч лазера способен проникнуть сквозь любой цветастый материал. В лаборатории квантов Ереванского университета идут успешные исследования свойств лазеров.

Ученые Бюроакана В. Тер-быж, И. Карачинцев, В. Оскanian обсуждают проблемы теории деления галактик.

Инженер Генрих Узунян работает в Институте физики. Он усовершенствовал систему склеивания за электронным пучком.

Электронный ускоритель — гордость физиков Армении.

У центрального пучка управления ускорителя. Идут испытания.

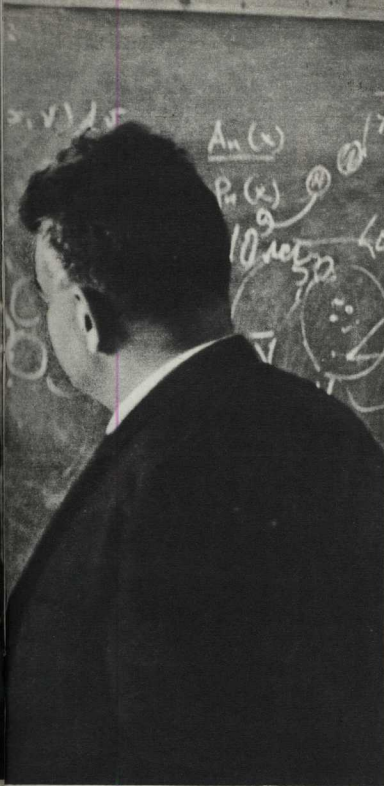
кроме советских физиков, съехались крупнейшие ученые Европы и Америки. Я лично общирную программу этого представительного форума, встречю известные всему миру имена и бесконечные термы — «омега-пика», «кварки», «кв», «ин», «ти-тау-тоны», то и дело мелькает более знакомое, но от этого не менее загадочное для меня «нейтрино».

А вот и доклад, рассказывающий о камерах, которые позволяют фотографировать след пролетающей частицы и определять ее энергию по изменению траектории в магнитном поле. О новом методе наблюдения этих частиц рассказывала и сама организатор «весенней школы», член-корреспондент Академии наук СССР А. И. Давкшанян.

О физике принято говорить, что это стремительно идущая из современных наук. И, может быть, самая стремительная из «физик» — астрофизика. Последние годы буквально насыщены крупными открытиями, и многие из них сделаны здесь, у подножия Арагаца, в знаменитой на весь мир Бюроанской астрофизической обсерватории, основанной десять лет назад. Недавно обсерватория, первая среди научных центров этого пробытия, удостоилась высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Виктор Амазаспосич Амбарцумян, директор Бюроанской обсерватории,

президент Академии наук Армении, известен прежде всего своими работами в области аналитической астрономии. Он доказал, что образование звезд — длительный процесс, продолжающийся и поныне. Он открыл существование очень молодых систем звезд, названных им «звездными ассоциациями», возраст которых не превышает нескольких миллионов лет. Это открытие Амбарцумян вызвало целую бурю в научных кругах. Он вспоминает, как восемь-девять лет назад впервые доложил о своей гипотезе на конференции астрономов в Брюсселе. Суть его доклада сводилась к тому, что в ядрах галактик происходит грандиозное взрывное явление и армянскому ученому подошел крупнейший американский астрофизик Баллар Вадеас: «Профессор Амбарцумян, вы приехали из СССР, а я — из Америки. По возможности вы должны быть материалистами, а я — идеалистом. Но то, что вы сейчас рассказали, не что иное, как настоящий идеализм! Это фантастично! Впервые, о которых вы говорили, нельзя объяснить в рамках существующих представлений. Вы говорите о каких-то «незвездных» объектах, которых никто не видел. Выходит, это — нечто необъяснимое, таинственное».

Что касается философии, — сказал Виктор Амазасплович, — то материалисты прежде всего интересуются теми же процессами в реальности происходят, и уже потом ищут их объяснение. Необъяснимое сегодня станет объяснимым завтра.

Буде остался при своем мнении. Он тогда и не предполагал, что именно лет через сорок с половиной через пару его же «зафинансируют» работы советского академика, а еще через некоторое время будет получен целый ряд доказательств гипотезы Амбарцумяна. Совсем недавно директор Йейдсенской обсерватории (голландия) профессор Ян Форт сказал на Международной конференции, проводившейся в Бюране, что он «перестал удивляться тому, как один за другим подтверждаются все научные выводы Амбарцумяна, пророчески сделанные им много лет назад».

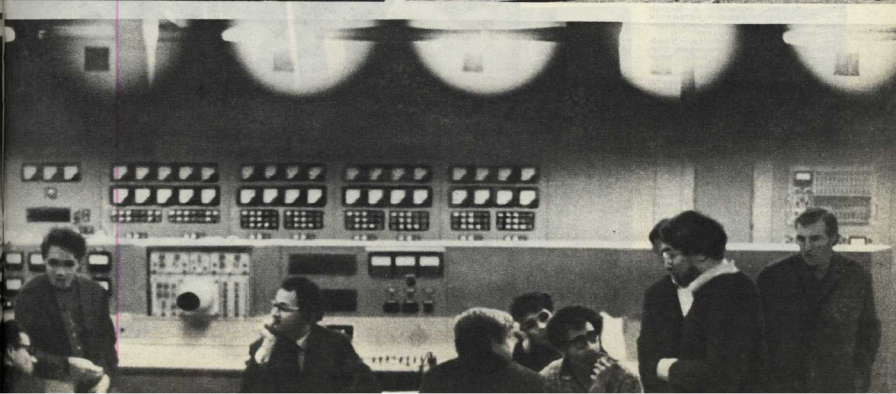
Если сравнительно недавно при упоминании Бюраны вспоминали од-

ного В. А. Амбарцумяна, то сейчас астрономическому миру становится известны имена многих его молодых сотрудников: Гурген Гурганян, Мариам Маргарян, Гурген Сагян стали членами-корреспондентами Академии наук Армении. Докторскую диссертацию завершил Людиг Мирзоян. У Армена Наллалогяна и Гаяга Гошманя уже высказывается новая теория развития галактик. Марина Гасманя открыла около ста «белых карликов», то есть немного меньше, чем было обнаружено всеми наблюдателями до нее.

Я был в Бюране в те дни, когда именитыми людьми Ромелом Шахбазяном и Софией Исмаилян, Намсвану награжденный обсерватории они открыли сверхновую звезду. О важности открытия можно судить по тому, что до сих пор, например, в нашей галактике были зафиксированы только три вспышки сверхновых: в 1054, 1572 и в 1604 годах.

Дружный коллектив обсерватории, тридцать пять человек, — все до единого ученые академика Амбарцумяна. Научный эффект их работы поразительный. Но лично в этот эффект вижу не только в новой теории или в сверхновой звезде, но и в том вопросе, который задали один из студентов молодому сотруднику обсерватории: «Как вы объясните, что Армения гарантировала стала Армений математической так неожиданно и быстро? Несколькими годами раньше примерно такой же вопрос задали в Индии математику Сурену Мергелану. Но сперва надо рассказать о нем самом».

Математический институт Академии наук СССР в Москве, Защита диссертации. За столом президиума — 7 академиков и 7 членов-корреспондентов, цвет отечественной научной мысли: Виноградов, Колмогоров, Лаврентьев, Соболев, Петровский, Никольский, Делоне... От их решения зависит судьба юноши, который стоит у кафедры и говорит о теории функций комплексного переменного. Шаурия годичи раньше выпускник Ереванского университета Сергей Мергелян с рекомендательным письмом В. А. Амбарцумяна явился в Москву и академику И. М. Виноградову: «Пренрасно, — сказал настый ученый, удавшись, как лозно расправился «сомнитель» с задачами, и тут же попросил присутствовавшего на экзаменах М. В.

Недлыша взять на себя руководство работой аспиранта Мергелана... Процедура защиты диссертации закончена. Все 14 членов Ученого совета голосуют за присуждение аспиранту сразу звания доктора физико-математических наук. Он стал самым молодым доктором наук: ему не было 21 года.

И вот недавно молодого члена-корреспондента Академии наук СССР С. Мергелана, успевшего создать в Ереване кибернетический центр и удивить специалистов многих стран уникальными электронно-вычислительными машинами «Арагац», «Раздан», «Наир», спросили в Индии: — Вы разве не первый математик среди жителей вашего горного народа — виноделов и пастухов? — Вы немного ошиблись, — улыбнулся Мергелан. — Вы, очевидно, спутали меня с Афанасом Ширамацци, который жил еще в седьмом веке.

В центре Еревана высится монументальное здание из серого базальта. Это Матенадаран — научно-исследовательский институт древних рукописей. Слева, у входа, не менее монументальная фигура человека с головой земного шара в руке. Это Ширамацци. Сегодня, как и тринадцать столетий назад, он словно пытается проникнуть в тайны мира, объяснить их. За стены народ бережно хранит главные его труды — «Изначальную диалектику», «Вопросы и решения», «Меры и веса», «Томар» (учение о летосчислении), «Географию», «Космографию». В этих фолиантах можно встретить смелые для своего времени высказывания о шарообразности Земли, о движении планет, о периодичности и причинах затмения Солнца.

Страна, в которой многие века существовал культ книги, пришла в революцию почти поголовно неграмотной. Усилил Мисроп Маштона и Саа на Партез, создавших в V веке первые школы с обучением на армянском языке, усилил всех их последователей — просветителей, педагогов — были радениями одиночек. Советской власти понадобилось не вена, а всего

Научный сотрудник Ереванского университета А. Погосян вырабатывает оптические кристаллы.

Корике Саакан, открывшая под руководством академика Амбарцумяна около ста «белых карликов»; большую часть рабочего времени проводит у телескопа. Вместе с Софией Исхударян она сфотографировала ряд галактик — в созвездии Гомчих Псов, в тучности Андромеды, Сомbrero...

несколько десятилетий, чтобы превратить Армению в республику сплошной грамотности. Сейчас в сравнительно небольшой республике около 1300 общеобразовательных школ, не считая школ рабочей и сельской молодежи. Более 20 тысяч учителей ведут преподавание. В Армении создана мощная система высших и средних учебных заведений. По числу студентов на десять тысяч жителей Армянская ССР превалирует уровень Франции, Англии, ФРГ и Италии в два с половиной — три раза.

Если в дореволюционной Армении не могло быть и речи о развитии научных учреждений, то теперь в республике в тысяч научных работников, из них 250 докторов наук, 1700 кандидатов. Они работают более чем в 100 научных учреждениях. Я дерну в руках только что изданный обменный том, в котором содержится краткий отчет о деятельности академии лишь за один прошлый год. Оказываются в пяти отделениях академии разрабатываются 38 проблем, которые, в свою очередь, охватывают 474 темы.

В Ереване я спросил президента Армянской Академии наук В. А. Амбарцумяна:

— Какое за все годы Советской

власти научное открытие представляете, по вашему мнению, самый большой интерес?

Задав вопрос, я тут же пожалел о том, что спросил, он звучит вторично: «всему миру известны открытия ереванцев, во-вторых, вынул бы Виктор Авакьянчикова говорить об астрофизике, я рискнул поставить его в неудобное положение...» Но президент решительно — по всему видно, что вопрос не застал его врасплох, — ответил:

— Открытие анандитов Манавелана. Да, в последние годы были найдены пути использования в народном хозяйстве горных пород — нефелиновых швевитов. А академик республиканской Академии наук Манян Манавелан, предложивший оригинальный способ их химического обогащения,

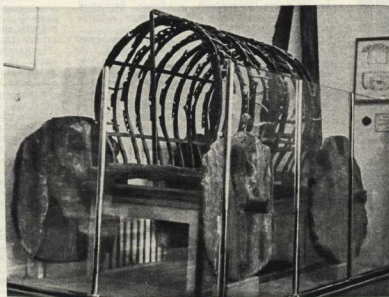
стал одним из наиболее популярных ученых. Уме строится крупнейшее предприятие Армении — Разданской горно-химический комбинат. Он даст стране концентрат глинозема, цемент, огнеупоры, поташ, белую сажу, хрусталь, разные мета-силикаты. А основным и, пожалуй, единственным сырьем для предприятия послужили нефелиновые швевиты, запасы ко-

торых практически неисчерпаемы. Затем разговор зашел вообще о камнях Армении, о том, что ее часто называют страной камней. Вспомнили, что над проблемой использования камня работают, помимо М. Манавелана, многие другие ученые и что уже есть блестящие результаты: из базальта производят вату, трубы; из розового туфа — стальные волокна;

армянский перлит, не говоря уже об уникальных мраморах, находит большой спрос в Италии.

ШИРОКИ ИНТЕРЕСЫ АРМЯНСКИХ УЧЕНЫХ: ОТ КАМНЕЙ РОДНОЙ ЗЕМЛИ ДО ЗВЕЗДНЫХ МИРОВ. ВЕЗДЕ ИХ ПЫТЛИВАЯ МЫСЛЬ СЛУЖИТ ПРОГРЕССУ, РОДИНЕ, ЧЕЛОВЕКУ.

На бывшем дне озера Севан найдена древнейшая колесница (III век до нашей эры).

Роботоскопом помогают познать законы мироздания, тайны Вселенной.

Во время войны наш Лялик переулок был так густо заселен детворой, что в бесчисленных его дворниках и садах для всех нас, казалось, просто не хватало места.

Ребята были забиты и парадные, и подворотни, и тротуары, и мостовые. Среди наших голов и ног, наших мячей, самолетов, синефедов, двачных прыгалок и классиков, среди ребячьих стаяк мушкетеров, красных дьяволят и казак-разбойников проложимо трудно было найти спокойный фарагет, а лошади, погнав в переулок, не знала, куда отпустить копыта.

И все мы знали друг друга по имени, или прозвищу, или, на худой конец, по какой-то нашей лянлинской приметке. Все мы были ребятами одного переулочка, вырастае, все ходили в одну школу, ездили в один пионерский лагерь, и всем нам думалось, что так будет всегда...

И еще славен был наш переулок своими садами. В «Ивановском» цвела сирень, созрелвал боярышник, росли дикие вишни в три теплических этажки приamoствольных груш. Плоды повисали на осини, продолговатые, с солнечными зайчиками на боку, сочные и сладкие. И яблоки росли и в школьном саду, и в церковном, и в «Гошином», и в «Поповом». Махивше через забор, и полна газука кислыми хрустими недозрелыми. Конечно, нас гоняли, но чаще набегли кончались удачно.

Еще во дворах цвели конские каштаны, сарабистские тополя, оспалились желудами старые дубы-великаны. В одном из дворов росли настоящие пирамидальные тополя, но главное, куда переулочка тянули в себе те дворы, где прежде мы играли в крокет,—там росли таинственные грибы-шампиньоны. Каждое лето они вспучивали изнутри примятую нашей богатейшей землей, разрывали ее, удивляли своей нетронутой красотой, и белозной. Даже после того, как места эти были залиты асфальтом, шампиньоны все равно пробивались к нам, вздыбливая и ломая свою каменную темницу. Уже после войны, на удивление этих заезженцев, и в набравшую целую кустарню этот грибов. Может, они и до сих пор прут там изнутри земли? Кто знает...

А еще славен наш переулок тем, что совсем рядом, за углом, за булочной, жил Аркадий Гайдар. Не среди ли нас вы собирались своего Тимура и своего Кавказ? Отчего они так тревожно знакомы и так понятны?

Вот каким он был до войны, мой Лялик переулок. Годы. Теперь в радио бьваю там. Новые дома построены на месте старых садов и пустырей, на месте ветхих домиков. Новые мальчишки заселили их. Давно исчезли каштаны, нет пирамидальных тополей, отжили и старый дуб-великан.

Лялик переулок, зеленый, похожий на тулчино, тихий уголок Москвы...

Я вхожу в тебя трепетно, как входил в детство. Смотрившись в каждое ребячье личико: не отгадаю ли черты друга далеких лет? Не блеснет ли лукавинка школьного товарища в этих ребячьих глазах? А вдруг? А если! Но нет и нет. Один раз почувствовал что-то родное до боли. Накрестную шагнул уругой своей походякой Коля Ярышкин. Ну, точно он. Ну, вылитый Ярышка! И уже было равняюсь, но остановился, опоминился... Просто не могло случиться такого. Мой Колюшка не вернулся с войны. И Шуррик. Ермаков. И Миша Матвеев. И Коста Подлинский, и Вовка Ераграфов, и Лелька Гарберовлен, и Лева, и Бузырь, и Минька. И многие, многие...

Каждый год, 22 июня, стоит подолгу, надвигнуто у ворот «Ивановского» сада мать Шуррика Еремине. Он погиб артиллерийским капитаном уже после прорыва ленинградской блокады. Матери передали его орден и личные вещи, рассказали, как и где он погиб.

Но 22 июня она стоит у дома, словно не верит, словно ждет. А рядом стоят ее сестра и сыншиска сестры и тоже будто вот-вот увидят...

Мать моего фронтového друга Кости Подлинского поменяла свою большую комнату на меньшую, но зато с окном в переулок и на левомо этажке. Коста пропал без вести, и она ждала. У нее отнялись ноги, и она могла теперь глядеть из окна в переулок. И смотрела, год за годом.

Она умерла в прошлую зиму, продавая сына ровно четверть века.

Вы пройдитеесь по Лялину 22 июня, может, и вам доведется приметить этот безмолвный парад матерей...

Мое поколение — ребята рождения 20-х годов. Ребята, рожденные еще при жизни отца. Чужество годола мы боли не сохранили далекая па-

мять, но зато поминится легким холодок снежинки, упавшей на ресницы в раннем детстве, и тишина заметенного снегом переулочка, и непролазные ряды сугробов, и редкие светлячки муть тлеющих газиков фонарей. А еще — сверкающая близина зеленого дня, и лошади извозничьи, и обильные крикливые воробья, и разноголосная колокольная звона.

Поминята весенние ручьи и субботники. Поминята летние шарманчики с погулгами и цыгане с медалями.

Поминята первые демонстрации, первые наши советские песни, первые иллюминации. И меддуховых оркестров и дробь барабаничков. И деревянный тогда Мавзолей Ленина и Москварица, еще не одетая в гранит, еше песчаные пляжи и равнинные горы. Поминята 11. Круглая, споконно идущая в галопе детвора вдоль Чистых прудов со своим большущим портфельком под мышкой. Но это уже гораздо позднее. А если пробраться в память еще глубже и глубже, то там, где-то у ее истоков, всплывают обильные — такого, что уже и сам не знаешь, тобою это было с тобой или с кем-то другим из ребят твоего поколения...

Костры на снегу у Дома Советов, и конники в балагатах на перекрестке, и шельф пошедшей в навет, и кто-то тринит на отца, чтобы убирался с ребячком, и желтое пламя, и шипящая черная головешка, и как она трахнула искрами под ногами отца. И мой прогорелая варевка и мои опаленные брови. Но больше былого горя. Нечем было дышать. И тогда мы ушли. Мы не попали туда! Не попали!

Мы жили в одно дыхание с отцами. Справ носили красные звезды. Потом надевали красные галстуки. Мы учились стрелять по-ворошловски, занимались спортом, чтобы быть готовыми к труду и обороне.

Я был тогда барабаничком. Мой барабан гремел по переулочку, улицам и площадям. Гремел в лагерях и в походах. И в походе, в походе, встреч с рабочими со сцены Большого театра и в тесном сельском клубе гремел мой барабан. Мы жили героями Арктики, челюскинцами, паланинцами, Чаювыми, Гроздобудой. И еще героями Исландии. Встречали испанских ребят, приносили им свои шомгелята в костяках, и гордо носили испанские шапочки. Потом пришла другая пора, и мы увлекались кто чему: кто драмкружком, кто авиамодель, кто математикой.

Накануне драмкружковцы получили долгожданые костюмы комедии «Плещи и шагги». Мы готовили свой спектакль к вечеру выпускников-девяткиклассиском. «Игра интересова Хаснито Бенавето. И вот первая репликация в костюме, гриме и декорациях. Поминята, что реитуэты очень меня смуглили. Не знал, куда спрятать свои длинные, тощие ноги, как будто голый. Проеклина свою дурацкую роль, полную нежных чувств и слез. А Миша Матвееву все удавалось. Он был очень талантлив. Потом до рассвета бродили по безмятежно спящей столице. Наш Миша провоял нашу Верочку, а мы веселой гарью кружили следом за ней первой любовью. И забрели за Копельскую улицу. Вспоминята, что Миша назначенных к сносу. Все двери открыты, и —ни души —только мы в плащах и в гриме. Жутко хлопотать форточки в полном безветрии... Здесь, на том самом месте, где я теперь к гостинице «Россия» прилагалась старинная белая церковь, здесь, на ее ступенях, и открылся наш Миша... А мы кричали «Ура!». Их чувства не нуждалось в нашей поддержке, но мы все-таки кричали.

А назавтра нас всех разбудила и позвала война. И там, а сиемат под Варшаву, умикара, наш Миша был убежден, что о нем никогда не забудут, что здесь поле не павших, но победителей!

22 июня 1941 года. По-Боевому залопалили двери в домах вечера еще такомо мирного Лялина переулочка. Ребята вступили на фронт. И пустели дворы.

Военкоматы гудели, как осажденные крепости. «Сидите дома! Ждите очередей! Придет повестка. Сейчас идет другая война!»

Миша Матвеев в первую же дин сумел подать заявление, а был призван только 17 октября. Коста Подлинский был призван со мною только 4 ноября — мы так насили на военкомата, что ему пришлось тут же, на глазах у нас, писать нам повестку.

Все тихо становилось в домах. Заткнули дворы,

Борис БОДРОВ

ШИШЕЛИ
4
ГО
ГОДА

загнали сады. Стелка окон перенерчены полами. Окна завешивали первой бумагой светомаскировки.

Пустынный степной переулок, умыли в направлении ожидания востой от ушедших ребят. Шинели, шинели... Кто забудет беззубые лица чухрабоды! Серые могучие волны — пехоту 41-го года.

Хрустит под ногами снег, беззвучно прожариваясь об бочинах, и только рядом, все еще не в силах отступить, рвущаясь, торпосится, едва поспевая, фигура чьей-то матери, сестры, жены...

Но вдруг кто-то взлетел над всеми и заляпал на морозе лысой запявкой: «Лейте!» А следом уже громахнуло, раскололо воздух от дружного подвзвота сотен студенческих глоток, да свист озорно удрал вдобавку, будто и впрямь курский словой нерадужие с дымякой пехотного дивизиона.

И в каждом сердце знало, на что оно идет. И еще оно знало, что, может, никому, кроме одной матери, не различить в этой лавине маршевых рот невопорожненные черты своих сыновей. Как знало и то, что в штаб-то, асное дело, никому упомянуть каждого по фамилии, разве что бескомандно ардометру едва под силу подсчитать нас в строю...

Все понимает, все знает солдат. И, может, было бы расхождение сегом осознания, когда бы рядом в одной с ним шеренге не шагал друг, братец и примерный во всем, его политурик. Он, то, политурик, и смывает, очеловечивает грозную военную машину ардометр, наполняет ее движением юности, как сама кровь, душой своим. Он-то помнит каждого бойца в лицо и каждого по имени и фамилии. Оттого и легко шагает пехота на фронт. Оттого и песню поют идущие в бой бойцы.

«Подойди такой политурик к тебе, протрет тебе трюгунеличку из дна, сметет рядок, закурит, а потом, между прочим, скажет: «ты уж, браток, не страдай свою мать наших страхами. Ей там и так одной несладко. А здесь куда ни конь — на конское дело, на конское, не везет тебе дело... Вот одолевем фашиста, вернемся домой, тогда и опишем все как было: и кровь, и голод, и холод. А не вернется, так же ил, не запросто же пропадет... А! Ну, то-то же! Привет ей от меня!» И пойдет себе дальше.

Вот как уходили ребята. Все мы прошли через это, кто раньше, кто чуть позднее.

— Пришел и шел с Костей черед, наконец и мы шагали в строю. 5 ноября в раннем освещении последние испония призывников Красногвардейского районкомата проходит заставу Ильича. Проходя, Райлин переулком. Нас промывает огромная красная вуля и сплошной грохот пущи. Зенитчики отбивают очередей налет. Нет, не легко и не просто шагаешь новобранцу. Тяжело оставаться своей дом позды и свое детство.

— 10 июля и июле мы, еще не призывные, собирались по старой привычке у кого-нибудь дождаться Завсгиды, читать танцевали, читали стихи, испонили мирное время.

— Отходили, еще отходили! — хватался за голову, ужасался Костя, а Шурки все спрашивал:

— Когда же ударит наша главная сила, а! Когда мы с тобой и с Шуркой?

— Айда в авиацию, ребята! — звал Ваня Жариков.

— А я, мальчишка, надеюсь на рабочих Германи. Опонятятся, начнут революцию... Так ведь! — И Наташа страшно тарщила глаза: — Так ведь, мальчишка, да!

И авиационная первая бомбежка в июле. Ударило, что мать, только прядя с работы, легла спать. И никак ее не выставить из комнаты. А в доме уже расплаваются дачки, жолтыца на лестничной площадке, и молчанье да шарканье сотен ног, да чей-то дикий одинокий вопль... Впервые все шло и шло за лифт и еще нике, в подвале.

А мое место на крыше.

Вокруг всеполю хлопотует зенитки. И тут из Курской косады, именно, прямо на нас вылетела первая фашистская машина на крыше их самолета. И что-то злое свистит в ушах. Мы прираствем в ирпичным трубам, и нас толкает, подбрасывает прыжками... Бомба упала дальше. Там огонь.

И еще прыскает авиакор красноватое месиво противотанкового рава, было такое чувство, что легче расшаровать промощные ботинок, оставить топот с ружавкой и выбираться босиком,

чем сделать еще хоть один шаг или выбросить полтышка глины. Ров в черт Москва! Неужели оно допоздну слыно, ах ты танки!

— Какое же это, ребята! Идем! Идем! Идем! Идем! И збита голова новобранца. В них пона все его утешение и прибрежние. Да, вот так все и было. И в аой реальности, и каждый шаг трудом давшем — до самой победы! — трудом!

— Какое же это, ребята! Идем! Идем! Идем! Идем! И збита голова новобранца. В них пона все его утешение и прибрежние. Да, вот так все и было. И в аой реальности, и каждый шаг трудом давшем — до самой победы! — трудом!

Ну, вот, к примеру, жизнь Николая Яршикина: он рос в семье, а мать работала дашринком. Еще у него была младшая сестра. Вот и все их семья. Он пошел работать, едва окончив пятый класс. Но кто из других ребят нашего двора прочел столько хороших книг! Может, оттого он и выжил, потому что много читал, а много читал, бедности, недостоин трагичности свое свободное время.

Со мною его навсегда связала какая-то податность еще неумная тага и астрономии, планетарно и в Циклопоскоском.

Мы мечтали о полетах к звездам. Спорили, фантазировали, чертили наивные проекты кораблей. Лицом он был похож на молодого Есенина. И в характере было что-то чистой реушки и восторженности.

А работа на обвалкомбинате на мясокомбинате имени Минкина. Там вступил и в комсомол. Осенью сорот третьего мы выдвинулся в последний ряд. Проходом из госпитала на фронт он, узнав, что я уже отоварился, забрал прокладку с ходу, еще в полутемной передней сказал:

— Ну, полетим!

— Да, полетим!

Потом мы дули илпюток с сухарями в моей комнате, а в Циклопоскоском. Наконец он поставил кружку и достал кник с мажоркой. На его правой руке вместо среднего и безымянного торчали два глянцевито-розовых срубца. Но как-то, покуда он соруту прощались, мы все же завернули из последнего. Закурим. Он оглаживал комнату, дабы не был тут никуда.

— Надо же — обои отпусти!

— Это от сырости.

— Трудно привыкнуть.

— Как-нибудь соберусь.

Николай резко диннул стул, встал... — Надо до конца жить во все силу духа! Не доходить... Поминчи, у нас во дворе жил перек, чернявый такой и раскосый...

— Гул смолк. Николай оглянулся. Там позды были совсем не трюнов пол ромашек. Качаются себе на длинных стеблях. Ленивый, слабый ветерок донес откуда-то почти забытый домашний крик петуха. И, как полагається, через позду ому отлетели другой. Но впереди снова загудел, заскрежетал воздух, разом выринулся из сознания и это море ромашек и этих нивств откуда вазящихся петузов.

Впереди, за бруствером, все было другим. Черный и бурый дым от горящих танков, земинво перемешиваясь, тащилась куда-то вправо, застлала весь горизонт. Наша пушка с перебитым расчетом все еще грозно цепляла на запад. Но что в ней теперь было толку!

Мертв там гравит в воздухе усилился. Замля мелкими комочками осыпалась в опилочки — и наконец из балки, держа направление на нашу пушку, вылезла огромная дымящая машина. Поползла к ушке. Николай сразу признал ее. Машина была одним из тех механизмов створоч, что вышлупли из лесочка, теперь тоже слышь загнуто-го дымом и огнем. Она одна и осталась от тех четырех. Другие же три сейчас доторали перед бруствером: один подбит этой самой пушкой, два — самоотлетели ушедшими по толду бок не то в дальнюю балку, не то прямо в горящий лес. Правда, одна наша самоходка тоже оказалась подбитой, но ее, дымящуюся, с уже выбивающимися желтыми языками огня, все же подцепили и уловонили.

И этот, четвертый, часе два незад, дав диму, упал в соседнюю балку и там перестал урчать и язвлять.

Нерв и бурьян тогда еще подумал: и этот гонет! А не так, вы же отгучи!

И теперь, видно, дождавшись, когда донесся дальний гул их новой волны, он объявился. Он ожил! Он выполз и прет прямо на пушку. Подорваться бы ему сразу на тех ящиках со снарядами!

Вот он разворачивает башию. Куда же! Сюда, на ячнии бронбойкошчок. Хотел опукаться все нике, нике... Нащупывает, стерт! Что же подает! Так, у пушки, не помогут тепера! Так — немому.

А слывные были ребята! Сейчас лежат, раскинувшись. Кто ником, кто лицом к солдату. И кто им тепера! Хотя бы они вторились в эти ячнии! Но маини, видны же дуба, светит же, а ведь не так больше делать. Лышки разглядяла! Не дожда до мертвого расчета метров пятдесати, она, чирнувшись фантоном срезанной травы и пыли, повернула к пушке бортом и прибавляя газ. Идет сюда!

Справа и слева услышали команду Николая. Над опилками бронбойкошчок поднялись и легли навстречу машине длинные стволы ПТР. И тогда Николай сам выткнул из глубины ячнии холостой выстрел, а следом, свистом, и зал на изготовку. Его вторая нора, доблестный парек из-под Казани, зная привычки старшего сержанта, тут же ловко закрутил и передал Николаю уже дымящуюся «козью нору».

Табак был ской, что надо! Струйка задрала глаза, прищурив глаз, привычно помотав сосредоточенности на главному. Но что оно мого, две мастерство, твоо хладнокровие и твоо бронбойное ружье, против этой самой машины!

И тут что-то случилось, что и козек не забуду, если самому доведется увидеть. Самому не доведется, так все равно до нас дойдет слух об этом, раз уж такое случилось. Уже от окопа, где сидел Николай, эту бешено гремящую маини мы отделили от пушки, и тогда, когда пушка вдруг вздрюнулась и дала, машине прямо по борту!

Пыль и гарь от танка не давали Николаю увидеть, что же происходит там, у пушки, у мертвого расчета был ской, что надо!

И еще дурнулся пышка, и снова громахнуло! Но снова удалось...

Один трек машины, объявившись искрами, корды, полз вправо и ослеб. Машина завернула на леве, срезав запыль броюком и беспорядочно размазавая коботом.

Лазгул лют, и из него вырвался столб огня, а потом кто-то вывалился, черный, скрюченный. Скрюченный, скрюченный, кто и козек не забуду, если самому доведется увидеть. Самому не доведется, так все равно до нас дойдет слух об этом, раз уж такое случилось. Уже от окопа, где сидел Николай, эту бешено гремящую маини мы отделили от пушки, и тогда, когда пушка вдруг вздрюнулась и дала, машине прямо по борту!

Пыль и гарь от танка не давали Николаю увидеть, что же происходит там, у пушки, у мертвого расчета был ской, что надо!

И еще дурнулся пышка, и снова громахнуло! Но снова удалось...

Один трек машины, объявившись искрами, корды, полз вправо и ослеб. Машина завернула на леве, срезав запыль броюком и беспорядочно размазавая коботом.

Лазгул лют, и из него вырвался столб огня, а потом кто-то вывалился, черный, скрюченный. Скрюченный, скрюченный, кто и козек не забуду, если самому доведется увидеть. Самому не доведется, так все равно до нас дойдет слух об этом, раз уж такое случилось. Уже от окопа, где сидел Николай, эту бешено гремящую маини мы отделили от пушки, и тогда, когда пушка вдруг вздрюнулась и дала, машине прямо по борту!

Пыль и гарь от танка не давали Николаю увидеть, что же происходит там, у пушки, у мертвого расчета был ской, что надо!

И еще дурнулся пышка, и снова громахнуло! Но снова удалось...

Один трек машины, объявившись искрами, корды, полз вправо и ослеб. Машина завернула на леве, срезав запыль броюком и беспорядочно размазавая коботом.

Лазгул лют, и из него вырвался столб огня, а потом кто-то вывалился, черный, скрюченный. Скрюченный, скрюченный, кто и козек не забуду, если самому доведется увидеть. Самому не доведется, так все равно до нас дойдет слух об этом, раз уж такое случилось. Уже от окопа, где сидел Николай, эту бешено гремящую маини мы отделили от пушки, и тогда, когда пушка вдруг вздрюнулась и дала, машине прямо по борту!

Пыль и гарь от танка не давали Николаю увидеть, что же происходит там, у пушки, у мертвого расчета был ской, что надо!

И еще дурнулся пышка, и снова громахнуло! Но снова удалось...

Один трек машины, объявившись искрами, корды, полз вправо и ослеб. Машина завернула на леве, срезав запыль броюком и беспорядочно размазавая коботом.

Лазгул лют, и из него вырвался столб огня, а потом кто-то вывалился, черный, скрюченный. Скрюченный, скрюченный, кто и козек не забуду, если самому доведется увидеть. Самому не доведется, так все равно до нас дойдет слух об этом, раз уж такое случилось. Уже от окопа, где сидел Николай, эту бешено гремящую маини мы отделили от пушки, и тогда, когда пушка вдруг вздрюнулась и дала, машине прямо по борту!

Пыль и гарь от танка не давали Николаю увидеть, что же происходит там, у пушки, у мертвого расчета был ской, что надо!

И еще дурнулся пышка, и снова громахнуло! Но снова удалось...

Один трек машины, объявившись искрами, корды, полз вправо и ослеб. Машина завернула на леве, срезав запыль броюком и беспорядочно размазавая коботом.

Лазгул лют, и из него вырвался столб огня, а потом кто-то вывалился, черный, скрюченный. Скрюченный, скрюченный, кто и козек не забуду, если самому доведется увидеть. Самому не доведется, так все равно до нас дойдет слух об этом, раз уж такое случилось. Уже от окопа, где сидел Николай, эту бешено гремящую маини мы отделили от пушки, и тогда, когда пушка вдруг вздрюнулась и дала, машине прямо по борту!

Это о них позднее напишут: их «бросала молодость на Кронштадтский яд...». Это о них, в частности, говорил с трибуны X съезда РКП(б) Владимир Ильич Ленин: — ...Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знаменитую фигуру генерала Деникина, будет ликвидировано в ближайшие дни... В этом сомнения быть не может...
Вглядитесь в лица молодых бойцов революции. Московский комитет РСФСР в марте 21-го послал их штурмовать Кронштадт. Многие, наверное, не дожили до этого момента. Монтреволюция была подавлена.

25 июня юноши и девушки нашей страны празднуют День советской молодежи. Мы помещаем исторические фотоснимки, запечатлевшие боевые и трудовые подвиги советской молодежи.

В двадцатые годы это слово было широко известно и звучало, как выстрел. Ликбез! В нем был конкретный, зовущий и действенно призыв, это было слово-осуждение, слово-приказ — ЛИКВИДИРОВАТЬ БЕЗГРАМОТНОСТЬ.

Советская власть объявила фронт ликвидации безграмотности почти трех четвертей населения таинично и важным, как борьба с внутренними и внешними врагами революции. В 1918 году начали создаваться школы для обучения неграмотных. А в декабре 1918 года Совет Народных Комиссаров постановил:

«В целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию, обучению это ведется в государственных школах, как существующих, так и учреждаемых для неграмотного населения по плану Народного Комиссариата Просвещения».

Ликвидация безграмотности была политической задачей первоистепенной важности. В школы ликбеза ежегодно вовлекались миллионы трудящихся и членов их семей, первоначально в возрасте от 16 до 35 лет, а затем — до 50 лет. И к началу 1926 года в школах ликбеза обучалось около 1,5 миллиона человек, а в 1930 году было осуществлено всеобщее обязательное начальное обучение, что способствовало нашей стране стать страной сплошной грамотности.

Посмотрите на снимок. Мы не знаем имени и фамилии молодой девушки, обучающей крестьянина грамоте, да и не в этом суть дела. Десятки тысяч вот таких безымянных учителей, едва сами постигнув азы учения, от души делились знаниями с теми, кто совсем не умел читать и писать.

МОНТАЖ МЕЖДУБАТАКЕ И ПИИ
 ПЛОЩАДКИ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАЧАТ
 19 АВГУСТА СИЛАМИ КОМСОМОЛА
 БР-ДЫ ЗАРЯГАНЛОВА И САФРОНОВА
 «ПАМЯТКА УДАРНИКА»

ВНЕ СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ ПОЛУЧИ ОТ ПРОРАБА МАСТЕРА ЗАДАНИЕ
 РАБОЧАГО ДНЯ ПРОВЕРЬ ЧТО ТОБОЮ ВЫПОЛНЕНО
 НЕВНО ПРОВОДИТЬ ПОСЛЕ РАБОТЫ ЛЕТУЧЕ
 ПУТЕМ БОЛЬШЕВИЦКОМ САМОКРИТИК
 ПРОГУЛШИКОВ СИМУЛЯНТОВ А ТАК ЖЕ НЕПО
 НА ХОЗРАЧЕТ И УДАРИТЬ УБЛЕМ ПО НЕ
 ИИЯ МОТДЕИ ОБОРУДОВАНИИ ДАТЬ В СРБК
 ИЗВОДСТВЕННОЕ
 КВИДИРОВАТЬ
 ЛИБОСТЬ АДМИНИСТРАЦИИ
 ТАКАМ, ОТДЕЛ
 ЖДУБАТАРЕЙНОЕ

В основу плана электрификации России, разработанного ГОЭЛРО в 1920 году, было положено использование энергетических ресурсов страны. Особое внимание в нем уделялось местному топливу.
 В № 1 журнала «Смена» за 1925 год сообщалось: «Первой по времени была открыта Шаурская станция под Москвой. Она послала нам раз в тот во-

мент, когда железные дороги были охвачены самым жесточайшим кризисом и вопрос с доставкой топлива стоял особенно остро.
 Эта новая станция сильно облегчила трудную задачу снабжения Москвы светом и энергией, подавая ток в Москву через линию высокого напряжения «Электрпередача — Москва».

Но этого мало. Новая станция блестяще разрешила тяжелый вопрос, над которым уже многие годы до революции работали наши ученые — можно ли и выгодно ли устанавливать электрические станции на торфу? Эта станция показала, что наше громадное богатство — торфяные болота — действительно огромная ценность в хозяйстве, потому что торф так же приго-

ден для отопления электрических станций, как каменный уголь и нефть.
 Мы публикуем фотодокумент тех далеких лет, он датирован 1921 годом, когда Шаурская станция расширялась. Сносилеи дорог нам тем, что запечатлел активное участие молодежи в строительстве первого электрифицированной страны. «Силами комсомола»...

Фото Д. ДЕБАВОВА
 и из архива Государственного музея Революции СССР

Освоение целинных земель — славная страница в летописи Ленинского комсомола. По призыву партии сотни тысяч молодых патриотов направилась в необжитые степи. В кратчайшие сроки в Бессарабии, просторах Казахстана, Сибири, Поволжья, Урала было поднято и поставлено на службу народу 41,8 миллиона гектаров целинных земель. В степи возникли крупные совхозы, благоустроенные поселки, научные учреждения и учебные заведения, протянулись железные и шоссейные дороги, линии электропередач.
 Этот снимок был сделан в 1954 году. Москва провожала первых целинников.

О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО

РАССКАЗ

И был день, когда папа звал мальчика Диму в зоопарк и показывал ему тигра. У тигра были зеленые глаза с вертикальными полосками, вокруг черного кожного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

— Папа,— сказал Дима, когда они отошли от клетки,— я хочу тигра.

Папа шел и думал о своем.

— Ну не-а-а...

— Ну что, что, что? — раздраженно спросил папа.

Если бы Дима был постарше, он бы понял, что в такие минуты о делах говорить не следует. Но Дима было только шесть лет, и он сказал:

— Я хочу, чтобы тигр жил у меня дома.

— Дома живут кошки и собаки,— ответил папа.— А тигры дома не живут.

И прошло двадцать лет. Дима работал врачом в «неотложной помощи». Люди завывали его к себе домой, когда им было плохо, и очень радовались Димину приходу. Но как только им становилось получше и Дима уходил, они совершенно о нем забывали.

Работа была нетворческая, однообразная. И люди, с которыми Дима сталкивался, были тоже однообразны. Когда у человека что-нибудь болело, он говорит с врачом только на эту тему и становится малоинтересен.

В день, о котором пойдет речь, Дима был вызван к пациентке, у которой болело внутри.

— Где именно? — уточнил Дима.

— Именно внутри,— уточнила пациентка.

Дима ничего внутри не обнаружил, и женщина обиделась, выразив в слух свое отношение к медицине вообще и к Диме в частности. Дима мог бы достойно возразить, но пререкаться с пациентками было запрещено. Он закрыл свой черной фанберой чемоданчик и вышел.

Безразличная адлест давала на ребра, и Дима, оглянувшись на дверь, сказал одно только слово:

— Лошадь.

И была у Димы любовь по имени Ляля.

Ляля работала в парикмахерской, нарядные две недели красила волосы в разные цвета. Они были у нее то черные, то оранжевые, то голубые.

Дима приходил после дежурства, останавливался возле окна парикмахерской. Освежо было во все стелу, и там, за стеклом, как в аквариуме, медленно двигались люди. Все это походило на замедленное кино, а Ляля со своим капризным личиком как две капли воды походила на Брижитт Бардо.

Запросы с Брижитт Бардо у нее были одинаковые, возможности тоже, но Брижитт жила лучше, чем Ляля. Это была несправедливость.

В день, о котором пойдет речь, Ляля, как всегда, вышла на улицу и, скучно поглядывая на Диму, проговорила:

— Шпанку бы ты себе купил другую, что ли...

Это было неуважение.

И пришел Дима домой, а дома его спросили:

— Ты финскую мойку достал?

— Нет,— сказал Дима.

— Почему?

— Я пришел в магазин, сказали — нет.

— А почему Вамскому не сказали «нет»?

— Я не знаю, почему.

— А я знаю,— сказала Димина мама,— потому, что ты тюфек и ни на что не способен. Даже не можешь примитивно мечтать, как все бедолашки. У тебя ничего нет и никогда ничего не будет.

Далее мама добавила, что на Диме очень удобно возить воду и что тут ничего не исправится, потому что эта особенность у него врожденная, унаследованная от папы.

И пошел Дима в пенсию. Если ему было хорошо, то от внешнего становилось еще лучше. А если плохо, то еще хуже.

Сейчас ему стало хуже. Дима хмуро глядел в мраморный столик и слушал двух своих новых знакомых, стоявших за этим же столиком. На одном была плоская кепочка, другой — без особых примет.

— Ты чего больше всего хочешь? — спрашивал тот, что без примет, у того, кто в кепочке. — Какая у тебя мечта?

— У меня мечта жить долго и не болеть.

— А у меня мечта быть знаменитым, как артист Филиппов.

— Зачем?

— Чтобы я шел по улице, а люди останавливались и говорили: «Вон Охрименко пошел». Я Филиппову письмом послал, ответа жду.

— Вальсальная мечта... — вмешался Дима.

— А у нас какал? — с потугами спросил Охрименко и вытер пальцами углы губ.

Дима подумал и сказал:

— Я хочу, чтобы у меня дома жил тигр.

— Дома живут только кошки и собаки,— резонно заметил человек в кепочке.

Рисунок В. ЮДИНА

— Я понимаю,— покорно согласился Дима и вздохнул: — Я не вовремя родился. Лишний человек. Трагическая личность. Вот Энгельс сказал: что такое трагедия? — Димин собеседники не помнили, что сказал Энгельс... Столкновение желания с невозможностью осуществления...

Возмущенному Охрименко стало ясно, что Дима, и он сказал: — А мы ходите в зоопарк. Может, там есть лишний тигр...

И пошел Дима в зоопарк.

Последний раз он был здесь двадцать лет назад с папой. И сейчас, когда шел мимо клеток, думал о том, что выросшим детям в зоопарк ходить не следует.

Жирафа внимательно посмотрела на Диму из-за прутьев. Он уходил от нее и все время оборачивался, а она смотрела ему вслед, не поворачивая головы, и только все больше склинивая глаза.

Тигр спал в своей клетке, лежа на боку, вытянув лапы. Живот у него поднимался и опускался... — может быть, ему снится джунгли.

Дима предстал себе, что такой же хищник будет лежать, поперек его спины, глядя тайну джунглей, и сердце его наполнилось дерзостью.

Дирекция зоопарка размещалась в одном помещении с певчими птицами. Видимо, в зоопарке тоже была своя жилищная проблема.

Директор сидел за столом и читал какие-то бумаги, наверное, очень скучные, потому что, когда Дима вошел, он оборвался и широко улыбнулся Диме, показав сразу все зубы — голубоватые и безукоризненно как быдают безукоризненно искусственные зубы.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Дима.

— Чем могу служить? — поинтересовался директор.

— Скажите, у нас нет слуховой (Дима сделал ударение на слове «слуховой») липшиного тигра?

— Что?

— Тигра...

— Вы из какой организации?

— Я не из организации. Я в индивидуальном порядке.

— А зачем вам тигр?

— Просто так.

— Просто так даже вороны не каркают, — возразил директор. — Для чего-то он вам все-таки нужен.

— Я хочу, чтобы тигр жил с меня дома.

— А вы не боитесь, что он вас сожрет?

— Я его являючу.

— А зачем? Каков конечный результат?

Директор смотрел на Диму как на представителя современной молодежи и думал, что, может, молодежь что-то знает такое, чего не знает их поколение. Но Дима ничего такого не знал.

— Конечный результат у всех один, — сказал Дима. Он знал это как врач. — Замен об этом думать.

Директор спрыгнул зуби и перестал улыбаться.

— У нас нет лишнего тигра, — сказал он. — Да и не может быть.

Ведь это такая ценность.

— Я уволю, — пообещал Дима.

— Это же в ваших возможностях, — объяснил директор зоопарка.

Дима оглянулся на дверь и что-то прошептал директору на ухо. Он утихнул горький опыт с финскими мойками.

— Нет у нас титров, честное слово, — искренне сожалея директор. — Вы ходите в цирк и дрессировщику, может, там есть...

Дрессировщик открыл Диме дверь, но, выслушав вопрос, в дом не пустил.

— Вы меня раздвигаете? — осторожно спросил дрессировщик.

К нему иногда приходили люди с целью приобрести тигра. Такие люди считали, что дрессировщик имеет дело с кастрированными тиграми, которые отличаются от обычной кошки только размерами.

— А вас не раздвигают, — серьезно сказал Дима.

— Вы хотите его дрессировать?

— Нет. Я ничего не хочу.

— А зачем же вам тигр?

— Мечта, — застенчиво признался Дима.

— Страшная мечта, — удивился дрессировщик.

— У каждого свои.

— А где вы работаете?

— Я врач.

— Хирург?

— Нет, переплет.

— А почему у меня по утрам мешки под глазами? — оживился дрессировщик.

— По разным причинам, — сказал Дима. — Может, сердце, а может, почки...

— Да... Дрессировщик проникся к Диме доверием и задумался. Думал о том, что человек лечит людей и мечтает о тигре. А он, дрессировщик, никогда о них не мечтал. Он всю жизнь мечтал разрыхлится с тещей, чтобы в нее отдалить и не мачить друг у друга на глазах.

— У меня нет у вас тигра, — наконец сказал дрессировщик, — мне самому не хватает.

— Мне бы только одного... — возмолвил Дима.

— Я понимаю, что одного, а не десять. Но мне он нужнее, чем вам. У вас мечта, у меня орудие производства.

— Что же делать?

— Я не знаю... Дрессировщик поскреб макушку. — Подите в угол-лок Дурова, может, там есть...

В уголке никого из начальства не оказалось на месте. В кабинете директора сидела девушка-секретарша и тихо разговаривала по телефону.

— Когда Дима вошел, она перестала разговаривать и нежно, внимательно поглядела сквозь Диму. Глаза у нее были накрашенные и очень красивые.

— Здравствуйте, — поздоровался Дима.

— Здравствуйте, — сказала девушка, продолжая улыбаться, но не Диме, а тому, с кем разговаривала.

— У вас нет тигра? — спросил Дима.

Он ожидал, что девушка удивится и спросит, из какой он организации и зачем ему тигр. Но девушка не удивилась и ни о чем не спросила. Она отсутствовала тубку на столе и вежливо ответила:

— У нас есть кролики, голубы, енот. Акариум есть, а тигра у нас нет.

Девушка подняла тубку с колена и, опустив глаза, что-то тихо в нее проговорила.

— Да свидания, — сказал Дима.

Она подняла глаза, кинула и засмеялась, но не Диме, а тому, с кем разговаривала.

Дима шел по улице, смотрел на людей и по привычке ставил дышало.

Дима из-за ничтожного повода поспорил по телефону с Лялей и вовсе без всякого повода разругался с мамой. Папа сидел на диване и читал газету. Его интересовали судьбы мира.

Телепатия существует. Это точно. Когда человек о чем-то непременно думает, от его мозга во все стороны идут тугие полные волны. Эти волны наполняют квартиру и не уходят в ней, выплывают за нее. За окном они распространяются вверх и в стороны и натапливаются на здания. Эти антенны стоят на домах, как маленькие рисованные человечки с выдетыми руками-палочками. Человечки стоят с распахнутыми руками и принимают на себя все, что есть в мире: слова, музыку и мысли. Они принимают все, что есть в мире, и через приемники передают это в дома и людям. Музыка и слова обочно слышны, а мысли нет. Мысли не слышны, но они чувствуются. И если кому-то где-то очень плохо, то у другого человека, даже если он живет на противоположном конце земли, ин с того ин с того может испортиться настроение.

Михайлу Васильеву Ломоносову как-то приснился сон, будто его отец ушел в море и погиб там на острове. И действительно, его отец пошел в ту самую ночь и на том самом острове, который приснился Михайлу Васильеву.

Можно было выделывать личность, можно назвать артиста Московского областного театра, которого недавно показывали по телевизору. Диктор мысленно вынул артиста, чтобы тот выла со стола карандаш и отнес его на другой стол. Артист вала карандаш и понос, но принуд ведущий комментатор и сказал, что время истекло и что надо показывать третью передачу.

Дима лежал на диване и думал о тигре, и вокруг его головы, как нимбы, вспыхивали невидимые биотоны. И в этот момент раздался телефонный звонок.

Звонок бывший Дими школьный товарищ, ныне геолог Пета. Пета поинтересовался и сказал, что недавно он вернулся из усурейской тайги, где нашел позвоночник от вымершего мамонта, и что, кроме позвоночника, он привез из тайги в подарок дочке маленького тигра, как Жень. Почему-то активно возражает против такого подарка и требует, чтобы Пета передал его безвозмездно либо государству, либо частному лицу.

И сбылась мечта!

У Очумкинина не сбылась, а вот Диме поведло.

В его комнате поселился большоголовый тигренок. Глаза у него были зеленые с поперечными зрачками, вокруг черного кожаного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

Дима должен был испытывать счастье и восторг, но особенно яркого восторга он не испытывал. Было удивление, какая-то легкая опустошенность, а востора не было. Просто Дима переживала осуществление мечты и не знал, что именно так оно и выражается: удивление, опустошенность и покой.

Когда Дима вернулся с работы домой, тигренок спал среди комнаты, вытянул лапы. Впрыску у него поднималось и опускалось, тирепоглычел уха подрагивал во сна, — должно быть, тигренку снится усурейская тайга. Дима некоторое время смотрел на него, потом подошел к окну и отодвинул занавеску.

За окном стояла дома в распахнутых окнах, как новогодние елки в лампочках.

Припомнившись висконк к раме, Дима думал о том, что он еще молод, что вперед у него много лет жизни и много интересных событий и встреч.

Это было воскресенье, и это было самое счастливое воскресенье во всей его сознательной жизни.

— Мечта для немалого испортила маму. Мамы умеют любить, как никто другой, и, как никто другой, уме поить.

— Димал — строго оклинула маму и, когда Дима обернулся на голос, молча уползла пальцем в угол.

Дима проследил глазами направление пальца и увидел в углу лужу неприглядной формы.

— Выгнй! — распорядилась мама и опустила свой палец.

Дима покорино направился в ванную комнату. В ванной на батарее висели половые тряпки; некоторые происходили от старых штатов, другие — от роговых мешков. Дима выбрал ту, что из рогов.

Он поновил тряпку на лужу, наступил на нее, потом подгадил ногой к себе и от себя. Если бы человек, живущий в доме напротив, посмотрел на Диму из своего окна, то подумал бы, что Дима тащит туалет.

Очищая свой туалет, Дима взял тряпку двумя пальцами за самый конец, отнес ее в ванную комнату и кинул под батарею.

На этом эпизод был бы исчерпан, но в комнату вошел сосед и сказал:

— Добрый вечер.

— Здравствуйте, — поздоровался Дима. Он вытирал руки о полотенце.

— Я ничего не имею против того, — сказал сосед, — что вы воспользовались моей тряпкой. Но уж если вы ее воспользовались, то надо было выстирать и повесить на то место, откуда вы ее взяли.

Это было резонно. Дима вернулся в ванную, достал тряпку из-под батареи и отнес ее к стулу на холодную струю.

— С мылом, — посоветовал сосед, который добровольно согласился сопроводить и проконсультировать Диму.

Дима взял кусок хозяйственного мыла и с силой пошел по тряпке — там, что на ней осталась, желтоватый мыльный рубец. Вода текла по потоку

рублю, не размывая его, на пальцах скрипел песок и какие-то камешки.

— Горючей водой... — руководил сосед.

Дима прыгнул горячую воду, и бурная сразу стало тепло, мыло вспенилось, и вода показалась бурная и бурная, и раковина сразу стала темная, а тупца светлая.

Диму удивил и обрадовал этот процесс. Он с благодарностью посмотрел на соседа и уже не хотел расставаться с тряпкой и стирал ее до тех пор, пока кусок мыла на прямоугольнике не превратился в овалы.

За воскресеньем следует понедельник, за понедельником вторник, за вторником, естественно, среда. Среда — середина дня недели, и уже недолгим кажется воскресенье, и у рабочего человека повышается настроение.

У Димы неделя сложилась иначе. После воскресенья настал понедельник. За понедельником снова понедельник, и вся его жизнь превратилась в один сплошной понедельник.

Мечта в образе тигренка маула по ночам и прыгала Диме на постель.

Ее надо было кормить мясом, которое стоило по два рубля за килограмм. Правда, тигренку передавали кости, но кости продавались вместе с мясом и стоили столько же.

Соседи показали заваленный в жилищно-эксплуатационную контору, приводили милиционера и дворника.

Любовь по имени Ляля сказала, что психически нормальные люди тигров не заводят. Ляля отказалась ходить к Диме в гости, — она одинаково боялась и Диму и тигра.

Близкие и знакомые знакомые пожимали плечами и снисходительно улыбались. Они чувствовали свое превосходство, а человеку всегда приятно почувствовать свое превосходство над ближним.

Мама перестала включать телевизор, — она боялась сидеть без света, и теперь мама использовала это свободное время для того, чтобы упрятать папу. Ляля по-прежнему молчала и смотрела в газету, но уже не так внимательно, как раньше. Он сидел на стуле, подбавляя ноги, подтягивая колени к подбородку, и время от времени осторожно поводил глазами по полу и по сторонам.

А тигренком тем временем рос и ничего не подозревал. Тайна и благодарность к нему, возможно, были, но, скрывая внутренне и внешне, ни в чем не выражалась. Тигренку носился из угла в угол и, как самая обычная кошка, гонял по комнате Диму египетской. Когда ему надоело это занятие, он оставал на задние лапы, а передними равню обивку на диване. Тигренку точил на будущее свои когти.

Маму очень раздражала эта манера, но скатать тигренку замечание она не решалась. Молчать она тоже не могла, поэтому все мамини замечания выслушивал Дима.

Дима выслушивал и вспоминал лицо директора зоопарка и уже чувствовал логику в суровости маминых слов и в непреложности Петалиной жены. Диму было том, что лучше бы ему завести не тигра, а собаку.

А еще лучше не тигра, но собаку, а жену, чтобы поговорить было с кем. Чтобы он говорил, и она слушала, и все понимала, и не спрашивала про свои болезни.

У Диме жарилось сомнение.

Сомнение, как всякую болезнь, следует вовремя угадать и лечить, — тогда оно проходит без следа.

Димино сомнение было запущенным: оно грызло его два месяца и делало тяжелые осложнения. Рашпы он чувствовал его только под ложечкой и только ночью, а сейчас и днем, и опущал не только под ложечку, а в сердце, в ногу и даже в руку. Принимался за еду, Дима долго и со всех сторон оглядывая кусок, нюхал его и только потом решался есть.

Ощущая присутствия сомнения в жизненно важных центрах, Дима снял трубку и позвонил своему бывшему школьному приятелю, ныне геологу Пете.

Дима вежливо подождался и спросил, не возьмет ли Пета тигра обратно. Дима пообещал вернуть его Пете так же безвозмездно, как и взял.

Пета подождался и ответил, что наезд он подарка ни в коем случае не возьмет и посоветует другого такого метателя, как Дима, тоже не может.

— Обратись в зоопарк, — посоветовал Пета. — Там тебе хорошие деньги заплатят и ручку подешоут.

В зоопарке Дима пошел, но ручку ему никто целовать не стал.

— Нам не надо, — сказал директор зоопарка. — У нас клетка нет. Он смотрел на Диму весело и равнодушно, и Дима не мог понять, поинит он его или нет.

— Я в вам являюсь, — напустил Дима.

— Я помню, — спокойно сказал директор.

Он поинил Диму, но не проявлял к нему интереса. Давно, когда у директора были свои зубы, он страстно мечтал об одной женщине и хотел на ней жениться. А позже, женившись, осознал, что делать это было не обязательно.

— Вы же говорили: «ценность» — напомнил Дима.

— Конечно, ценность, — согласился директор. — Поэтому мы должны ее нормально содержать. А у нас негде. Вы же знаете, жилищный вопрос пока еще острый.

Директор помолчал, ожидая, что Дима попрощается и уйдет.

— До свидания, — сказал Дима.

— Всего хорошего, — пожелал директор. — Вы же понимаете, зверей много, а зоопарк один. Сходите в цирк, может, там нужно.

Комната дресирщицы вместо обивы была облепена афишами. На стене висел большой карандашный портрет — на нем дресирщик был изображен в профиль и выглядел редким красивцем.

Красота — в сантиметрах. Художник, видимо, ушел этой стигну. Он сделал глаза на полсантиметра длиннее, а нос на полсантиметра короче, чем у оригинала. Общее количество сантиметров осталось то же самое.

Дресирщишки выслушала Диму и осторожно спросила:

— Вы меня разыгрываете? — Он не любил, когда его разыгрывали. Дима промолчал. Он сидел на стуле, худой и грустный, похожий на подростка, на воспитанного мальчика на хорошей семье.

— Странно, — удивился дресирщица, — вы же сами мечтали...

— Да, м-м... — И Дима честно перечислял все «но».

— Я между прочим, тоже по два рубля мясо покупаю, — сказала дресирщица.

— Вашник тигру содержит государство, — резко заметил Дима. — Это разные вещи.

— Это действительно было не одно и то же. — Правильно, — согласился дресирщица. — Но ваш тигр не в плане. На него сметы нет.

— Вы же говорили: «ценность»...

— Еще бы... — неопределенно сказала дресирщица и рассеянно поглядел в окно.

Открылась дверь, и в комнату вошла усталая пожатая женщина.

— Подождайтесь, — торопливо шепотом попросил дресирщица.

— Здравствуй, — послушно сказала Дима.

Женщина ничего не ответила, с достоинством вышла из комнаты и глаза вышла, хлопнула дверью.

Дима в вопросительно посмотрел на дресирщицу.

— Выдал? — спросил тот с каким-то мрачным удовлетворением.

— Выдал, — подтвердил Дима.

— И вот так всю дорогу...

Дима весело промолчал. Он не понимал, о чем говорит дресирщица.

— Вы сидите в уголоч Дурова, — предложил дресирщица. — Может быть, им нужен тигр.

— Нам не надо, — сказала девушка-секретарша.

Она что-то переносила на одной большой тетради в другую большую тетрадь. Дуров у нее было заглавливало, а ресницы знаменательные. Оттого, что ресницы были светлые, их не было заметно, и веки казались голыми.

— У нас нет. Это опасно, — объяснила секретарша.

— Это же ценность, — растолковал ей Дима.

— Мы не можем держать у себя ценность.

— Почему?

— Потому что дети; вы что, их не знаете? Будут пальцы в глаза совать.

— А где директор? — спросил Дима.

— Нет его.

— А где он?

— Где, где... Нету, и все. А зачем он вам?

— Поговорить.

— А что говорить? У вас объяснял. И все.

Когда с Димой грубо разговаривали, он очень робел и от робости сам становился неукротивым.

— Нет, не все, — сказала он.

— Странно, вы какой-то, ей-богу, — поделалась секретарша. — Сначала вам нужно тигр, потом вам не нужен тигр. Делать вам, что ли, ничего? Мне бы вышло забавно.

Она выдвинула маленький ящичек и вытаскала оттуда третью большую тетрадь. Видимо, Димини заботы казались ей пустяковыми по сравнению с ее собственными.

— Ну, что вы стоите? — спросила она.

— А что делать? — так пожаловался Дима. — Не могу же я сам его отравить.

— А зачем сам? Отнесите в ветлечебницу. Его усыпят, и все.

Когда человеку плохо, он бежит туда, где его любят, где его верит. Дима побежал к Ляле.

Волосы у нее на этот раз были желтые, распущенные по плечам. Если бы рядом с ней повставил Брижитт Вардо, было бы совершенно невозможно отличить, который из них Брижитт, а который Ляля.

День столетия, и половина мостовой была сухая, яркая, а другая половина находилась в тени, асфальт там был влажный и темный.

Дима стоял на солнечной стороне, привалившись к водосточной трубе, слушал лицом теплое солнце и чувствовал такую усталость, будто он сидел по городу тысячами человек.

— Я понимаю тебя, — печально проговорила Ляля и провела ладонкой по худой Диминей щеке, привалившись к водосточной трубе, слушал лицом теплое солнце и чувствовал такую усталость, будто он сидел по городу тысячами человек.

— Не это — предательство! — воскликнул Дима и сложил три пальца вместе, будто собирался молиться.

— Почему предательство? — удивилась Ляля. — Осуществленная мечта уже не мечта.

— Если я не сохранил тигра, я не знаю, как это объяснить, но от меня уйдет лучшая часть меня.

— А если ты его сохранишь, он вырастет и сожрет тебя. И от тебя вообще ничего не останется.

Ляляна ладонь показавшая Диме холодной и жесткой. Он снял ее со щеки, потом приподнял плечо и вытер щеку о плечо.

Ветлечебница ничем не отличалась от человеческой поликлиники, и Дима почувствовал себя в привычной обстановке.

Он сел в гардероб пальто, потом подошел к окошечку, над которым было написано: «Справочное».

— Вы первый раз? — спросила в справочном.

— Первый, — сказал Дима. — И последний.

— Это нас не интересует, — строго заметила в справочном. — Обратитесь в регистратуру, нас заведут карточки.

ПОЕЗД-САМОЛЕТ

Как известно, путь пассажира в городе до аэропорта и обратно столь длительный, что нередко сводит до минимума тот выигрыш во времени, который дает современное развитие самолетов. Чтобы сократить это время, инженеры предложили проект поезда-самолета.

Поезд, прибывший по монорельсовой дороге и выйдя на город в аэропорт, входит в фюзеляж специально оборудованного самолета. После приземления в аэропорту другого города самолет подлетит к такой же полевой монорельсовой до-

роге. Пассажиры, оставаясь в местах, следуют дальше в город.

Однако для осуществления такого проекта нужно достаточно выветрившийся са- полетный аппарат и пилотант, как знаменитый со- ветский «Антей».

Индивидуальный врач шофера

Любой автомобильный инженер без труда может определить, как шофер или триз. Но шофер может быть просто утомлен или болеть и это тоже представляет опасность при управлении автомобилем. Как же предупредить возможные в таких случаях несчастия? Бельгийский изобретатель Жан Тобелен предложил прибор, который в значительной мере способствует сокра-

чению числа автомобильных катастроф. Это как бы индивидуальный врач и инструктор шофера.

На запуске правой руки водителя надевается браслет, в который вмонтированы датчики, посылающие радиостанционному устройству сигналы о срабатывании, изменении температуры лонии и потоводелении. Транзисторное устройство связано с карбюратором и регулирует угол зажигания и регулирует подачу бензина и топлива.

Если водитель сильно утомлен или чрезмерно возбужден, подача бензина томотически уменьшается, и скорость. При явной опасности шофера браслет или пилья на приборной доске загорается красная лампочка, и автомобиль останавливается.

РЕМОНТ СЕРДЕЦ

Пересадка отдельных органов от одного организма другому очень сложна из-за так называемого «биологического барьера», преодолев который до сих пор удалось в крайне редких случаях. Но тем не менее врачи ученые продолжают продолжать исследования в этом направлении.

Интереса свелая работа французского хирурга Жан-Пьера Кретье, который удалял больным людям сердечные клапаны, взятые от животных. Впервые он пересадил такую операцию в 1965 году. С тех пор французские врачи осуществили тридцать таких операций. Парализованным пациентам получают на более здоровые сердца только что убитых оленей, телет и баранов.

В старинных намерях от этих сердец отделяются венечные и артерии клапаны. Иначе иначе соединяются в растворенном состоянии. Сердечные клапаны животных не отбрасываются организмом человека, так как они представляют собой мертвую ткань, против которой не возникает иммунологической реакции несовместности. Наиболее удачные результаты достигаются с сердечными клапанами свиней.

Однако потребуются еще годы, чтобы определить, сколько долго и как хорошо такие клапаны будут работать в организме своих новых хозяев. Пока это все лишь опыт.

Еще раз о «эричей» коже

О так называемом «июнжон зрении» в последние время много говорят. Имидж Велса и его коллегам, которые широкой обнародовали довольно много людей, обладающих такой способностью. Однако достаточно убедительного объяснения этому явлению до сих пор никто из ученых не дал.

Сейчас предпринята еще одна попытка объяснить «июнжон зрение» с помощью опытов на животных. Исследованиями и Ральского университетов Кюи и Беннер изучали кому лигуици, версией зрения, крапы и других животных. Кому сингаля, исследователи проводили в него электроды и по- лвергаи водостойкие прики вспишек зрения. Чтобы убедиться в том, что зентрические реакции не являются результатом другим способом, не связанным с кожей, такой же обработке подвергались крысы без введения сингаля. Однако реакция не давала никакой реакции, тогда как от юнжи и в данном случае исследователи получали резкий импульс тона. Удалось установить, что юнжи с богатым содержанием Унгивата сильнее реагирует сильнее, но даже юнжи животного-альбиноса, в которой меланина нет вообще, явно реагирует на вспышки света. Исследователи обнаружили две различные формы реакции. Фактически они обнаружили другую достигают максимум спустя несколько секунд после вспышки и чувствительны к разным образом и световые волны, исходящие от флюоресцентного источника света.

Исследователи считают, что характер реакции юнжи на свет аналогичен реакции гала. Однако реакция на галаментам в тысячи раз интенсивнее, чем реакция юнжи. Кроме того, галаментам обладают выборочной чувствительностью и определенными цветами. При этом исследователи не исключают возможность, что механизм реакции юнжи на свет в основном такой же, как и механизм реакции гала.

Дима сделал два шага направо и сузил голову в оскотечко рядом. — Кличка? — спросила регистраторша. Здесь говорили конспективно и коротко. Только о главном. — Чья? — не понял Дима. — Как вы думаете, чья? Не наша, конечно... Дима смутился. — Тигр... сказал он. — Кто? — повторила Дима. — Я спрашиваю: кот или кошка? — Из семейства кошачьих... неопределенно сказала Дима.

Регистраторша подняла на него глаза. Дима молчал. Она показала пацком и что-то поменяла в карточке. — Фамилия? — Чья? — Ну не кошка, конечно. Ваша. — Коростышевская. — Тигр Коростышевский... продиктовала себе регистраторша и протянула Диме талон.

В коридоре было несколько кабинетов. На скамеечках сидели люди и ждали. Дима тоже сел на скамеечку, покрытую бежевой масляной краской, и стал дожидаться своей очереди. Перед ним сидела толстая женщина с хозяйственной сумкой на коленях. Из сумки выглядывала собака морда, белая и лохматая, похожая на астру.

— Вы хотите ее усыпить? — острожно спросил Дима. — Вот с вами... испугалась женщина и отодвинулась от Димы. — У нас нервное переутомление, мы хотим на уюлок бы-прим. Очередь двигалась медленно, и Дима был рад, что она движется так медленно. Он смотрел на концы своих ботинок и мысленно подгонял время, чтобы сегодняшний день скорее прошёл и наступило завтра. Чтобы можно было скорее забыть о сегодняшнем дне.

Ветеринар тигр внимательно выслушал Димину историю, и когда Дима слушал, то почему-то смотрел не на Диму, а на стол и рисовал на речитиве восьмерки.

— Мы не можем взять на себя такую ответственность... сказал врач. — Это же не кошка, а тигр. Огромные деньги. — Возьмите даром... взмолился Дима. — Я даром отдам. — Не надо нам даром... Врач перестал рисовать восьмерки и пошел на Диму глазами: — Нам и даром не надо...

И вернулся Дима домой, а тигр нет. — Не знаем... сказала родители. — Не знаем... сказали соседи.

Дима обомшел всю поквартиру площадь квартиры и места общего пользования, но тигр нигде не был. — Наверное, догадался и убежал... сказали соседи... в усуррийскую тайгу.

Хачинци, они вблаготворные... сказали родители. Дима долго не ложился спать, а когда наконец лег, то никак не мог заснуть. Он все время ждал, что в дверь позвонят и, когда он не открывает, присутствуют в целости тигренка.

Дима лежал и прислушивался, глядя над собой, и в голове у него крутились мысли о какой-то неведомой силе, которая могла существовать и от этой строчки и от напряжения. Но никто к нему не пришел и тигренка не проснуло. Может быть, тигр действительно догадался обо всем, обиделся на людей и убежал в усуррийскую тайгу. Хотя говорят, что у животных нет ума — только рефлекс.

Прошла неделя. Дима по-прежнему работал в «неотложной помощи» и уже видел в своей работе большой смысл.

И любовь по имени Лия выходила к нему и разговаривала, потому что Дима был хотя бы странноватым, но с определенными намерениями. И родители согласились, что лучше быть таким тюфком, как Дима, чем таким лояком, как Замский.

И соседи стали приветливые. Люди вообще не любят, когда кто-то живит чуждо, как он.

Все было хорошо... говорил лучше, чем прежде. Дима поправлялся и поевеже и стал забывать о том времени, когда рядом с ним в комнате жил тигр.

Но однажды, придя с ночной смены, он лег спать, и тигренка прыснул ему по щеке большим пальцем, с вальсачем глазами, зрачки вертикальной черточкой. Вокруг черного кожного носа расхлосались черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

Дима прошептал. Голова гудела, и было такое чувство, будто он навалился. Стояли сумерки, и он никак не мог понять, утро сейчас или вечер. Потом, догадавшись по некоторым приметам, что вечер, оделся и вышел на улицу.

Дима зашел в пещенуюю. Если ему было хорошо, то от вышнего становилось легче. А если плохо — то еще хуже. Сейчас ему стало хуже, и он понял, что, выиграв, до этого ему было плохо. Дима умру глядел в зеркальный столик и слушал своих старых знакомых — Охриземку и другого, в плоской кепочке. У Димы было впечатление, что с того раза, как он их едва встретил два месяца назад, эти люди отговора не находили.

— Ну что, прислала тебе Филиппов письмо? — спросил Дима у Охриземки.

— Нет, еще не прислала. А ты достал себе тигра? Дима поглядел на него и вдруг задумался: если он сознается в том, что мечта сбывалась сама, то ему, кроме как на себя, не на кого будет понадеяться. И вообще он окажется неинтересным человеком, безо всякой мечты.

за городом Булавой случился сумерек. В этот вечер великий молдун и председатель Кауудо Динмазало, готовился и необычною прочтению.

Мерно ступали барабаны, плава юстра отбрасывала причудливые тени на лица собравшихся. На стены домов, на темные силуэты стелсы попадали автомобильные.

В круг перед костром вошел высокий, худой, в национальной одежде африканского народа зисембе. Он повелительно толкнул правую руку, указавшую магическим бра-слетями на сухой травы и зубом алеггатора. Барабаны сволжили.

Председатель ступил на расстеленную перед ним козую шкуру и простер руки вперед, во тьму звездной ночи. В его руках повывалась кожаная чаша с волшебными костями. Молдун быстро зарурился во-круг костра. Он заглянул злого духа пустыни и повелителя ветров на спря-вить от него правды. Он заглянул их духом Священной нодр, угрозил духом Мо-мо, священного леопарда...

Движения его становились все резче, танец все стремительнее. Наконец он резко опруринул чашу и во весь голос прокричал: «Волшебные кости «Оум». Волшебные кости лежали на шкуру лоада. Подле них отпустился обесчеленный звукоу. Через некоторое время один из по-мощников молдуну, удерживая учителя и на ломаном английском обратился к собравшимся: «Расположены волшебные кости рассказало учителю всю правду. Идите с миром, но будет никаких не-приятностей ни для африканцев, ни для Англии, ни для господина Смита лично...»

Резв моторами, разламываясь автомабли, утащил волшебный костер, помощники под руки увели великого молдуну.

А над ними мерцали крупные, яр-ные звезды африканского неба.

СОЛСБЕРИЙСКИЙ ПЕРЕЗВОН

Лето 1961 года. В Солсбери стоит ужасная жара. Бивняриные замки и клубы ступают доверху. Проводят. В любое время дня толпятся здесь табачные и сахарные фабричане, приехавшие за много миль, чтобы стряхнуть скуку и однообразие деревенской жизни. Пыль поднимается, лю-дельно перебарываются новостями... Но основная тема разговоров — абре-ма белого человека в Африке. Здесь планатор входит в разд. Стуча плав-ной козую по стойке. Кто-то говорит, что Англия собирается передать ин-тересы Белого Родезии, что чернома-вые совсем распоясались. Что совсем другое дело и югу от ре-ки Лимпопо — в Замбии — «истинный защитник интересов бело-го человека Хемфри Феруау».

У входа в салун «Империал» резко торжественно запыленный «ланд-ровер» на двести саунга бокатает вправо, на табличка «Правое входа ограничен-но». Сюда могут ходить только белы-е. Лишь разведчик машины на стойке, но все выждет тощит, долговязый планатор в старом, неинтересном ко-зосте и митой рубашке. В बारे его ухе идет двойной хорон цугтанганго-го виски и разговор о прелестьх цар-ства Феруау. Кругом Юу Дуглас Смит. Он владе-лец небольшого ранчо в Селунге. В доме «Империал» сидит злобозон зна-ющий. Знает не только как мелкого землевладельца, но и своего ранчо, по-седь-планаторы так же мастит, по-

нить, каким образом этот человек, да-же не удостоившись ступать в ле-ные и табачные кроши со своего дубовитого мостика, пробрался в ко-ричные залы родезийского парла-мента. Как планатор, он малоприят-ен. Как политик — космозычан.

Разговор за стойкой «Империала» продолжается. Приятель Смита Фер-мер Ван дер Мерв рассказывает ему о своих последних приключениях: «Возвратился и вчерта от Гибсо-нов. Был, конечно, навеселе, но и на-дежд на трех черномазых...»

Выхожу из машины, смотрю — один валлется с пробитыми черепом. Готов. Я его заюлгаю в землю здесь же, на обочине. Второй еще дышал, но, думая, я не мнил твое зло азе-ло, что я и его запюлгаю рядом с пер-вым. Третий отполз в сторону и все время кричал: «Я мнил, хозяин, я мнил!» Я пристрелил его, чтобы не ора-л, и запюлгаю вместе с теми двумя. Потеха!

Смит возмело подмигивает стакан и пает здоровье Ван дер Мерва.

Разговор в बारे перенючается на карты. Здесь Смит — признанный авторитет. «В моей жизни я выхюдила бо-бюлетом из всех азартных игри!» — любит говорить он. Впоследствии, уже став премьер-министром, он выхюдит планатор повюриет эти слова, трю-биты, выхюдит в уголкада Виктория игорный дом.

За стойкой заюлгаю телефон. Бар-ман снял трубку, посланного некому-сеюгда, затем с подобостратью улыба-ной и с достоинством стойт: — Вас и телефоноу, господин Смит.

И, приняв мифрофон трубки ла-дондо, добавля:

— Господин Лилфорд. Лилфорд пригласил Смита в ближайшую суб-боту и себе в поместье на коюнтлей. Смит возартае трубку бармену. Окружающие смотрели на него с по-чтением и завистью. Нам Лилфорда много говорюю им. Владелец 33 ты-сяч аюров плантации и обширных па-пачбы, Лилфорд был известен не толь-ко как самый богатый человек Роде-зии, но и как один из самых состо-ятельных людей африканского конти-нента.

В Узном кругу родезийских поли-тиков было известно и другое: и по-мощники Лилфорда, и сам Лилфорд ни-те из многих правительственных учре-ждений Солсбери.

Темы разговоров на субботнем кою-нтлее в Лилфорд-плей мало чем отличались от бесед за стойкой бара «Империал». Но, когда гости ухе на-чали ваятаться, Хемфри, дав си-туацию, пригласил Смита в свой ра-бочий кабинет.

Лилфорд говорил, что там встретил, Смит знае и раньше. Он встречал их в заде парламенту, в чинеме и в ка-бинетера Родезии сэра Хемфри Гиб-са, в редакциях жюла Солсбери и Булавой.

Слова яже хюзин. Булавой говорю о необходимости создать новую партию, которая потре-бовала бы превращения Родезии из романича во вельчества королевы Великобритания и в свободную страну белого человека. Смит, в свою очередь, предложил возгюлат эту партию. Так возюлгаю партия «Родезийский фронт», членами которой стали все от-гюрованные рассты Родезии, яюде белы, а также и члены «Империал» — сторонники фашистского режима Ююно-Африканского континента.

В конце 1961 года Родезии бы-ла явдена новая расксткая консти-туция. Англичане ушли, и власть в африканским населением белому человеку. Но правительство передало минис-

тру воюры Родезии Юю Дугласу Сми-ту большое количество своего совре-менного орудия.

14 апреля 1961 года Ян Смит стал премьер-министром Родезии, сохра-нил за собой портфель министра обо-роны.

17 октября 1965 года летельный агентства Рейтер повюрали всему миру о прочотатх Кауудо Динмаза-Хлебю:

«... Не будет никаких неприятностей ни для африканцев, ни для Англии, ни для господина Яна Смита лично...»

Теперь Смит был гарантом, что неприятностей волей всеявонного. А роль всеявонного для Ююно Родезии он решил взять на себя.

11 ноября 1965 года «Родезийский фронт» объявил Юююю Родезию «не-зависимым государством белого че-ловека».

Прошел год. Родезийские «культур-а» помой отраздновали первый год существования своего «государства». По специальному заказу Смит был отпав ведный министр, на манер аме-риканского «Молодца свободы».

На торжественном банкете, посвя-щенном годовщине «независимости Родезии», Смит, одетый в смокинг, выпил за здоровье королевы Елизаветы двенадцать раз. «Никаких неприятно-стей, никаких неприятностей, никаких неприятностей!» — голосом мол-дуну Кауудо гювал коломол под уа-раманья правителями.

Выступившая программа в потюбол похолола, посланного, который при-наказал обернуть в бумагу цвета национального флага. Рекою, лился слезами в многочисленных салунах Сол-сбери.

В это же время на улицах Булава-й, в это же время в других городах Родезии гримели выстрелы полиции, от-крытый огонь по африканцам, лился кровь мирного населения.

Прямью Смит звонил в колонна... «Накандый удар этого молкола», — за-являло ю журналистам, — «гозде в гроб людей, вмешавшихся во внутрен-нее дела Родезии».

На торжественном банкете, посвя-щенном годовщине «независимости Родезии», Смит, одетый в смокинг, выпил за здоровье королевы Елизаветы двенадцать раз. «Никаких неприятно-стей, никаких неприятностей, никаких неприятностей!» — голосом мол-дуну Кауудо гювал коломол под уа-раманья правителями.

Выступившая программа в потюбол похолола, посланного, который при-наказал обернуть в бумагу цвета национального флага. Рекою, лился слезами в многочисленных салунах Сол-сбери.

В это же время на улицах Булава-й, в это же время в других городах Родезии гримели выстрелы полиции, от-крытый огонь по африканцам, лился кровь мирного населения.

ОПЕРАЦИЯ «ТИГР»

В этот день, 2 декабря 1966 года, небо над Лондоном было затнуто ту-чами пасмурных птиц. Многие не пе-регугали работой и пассажирами лондонского аэропорта, дамы си-туацию с недоумением погладыли на группу диктантаов в мотелках, не-которые погладыли на группу офице-ров аэропорта. Другая группа с ма-ром обусула в чинеме и в кабинетера Родезии сэра Хемфри Гиб-са, в редакциях жюла Солсбери и Булавой.

Слова яже хюзин. Булавой говорю о необходимости создать новую партию, которая потре-бовала бы превращения Родезии из романича во вельчества королевы Великобритания и в свободную страну белого человека. Смит, в свою очередь, предложил возгюлат эту партию. Так возюлгаю партия «Родезийский фронт», членами которой стали все от-гюрованные рассты Родезии, яюде белы, а также и члены «Империал» — сторонники фашистского режима Ююно-Африканского континента.

В конце 1961 года Родезии бы-ла явдена новая расксткая консти-туция. Англичане ушли, и власть в африканским населением белому человеку. Но правительство передало минис-

тру воюры Родезии Юю Дугласу Сми-ту большое количество своего совре-менного орудия.

14 апреля 1961 года Ян Смит стал премьер-министром Родезии, сохра-нил за собой портфель министра обо-роны.

17 октября 1965 года летельный агентства Рейтер повюрали всему миру о прочотатх Кауудо Динмаза-Хлебю:

«... Не будет никаких неприятностей ни для африканцев, ни для Англии, ни для господина Яна Смита лично...»

Теперь Смит был гарантом, что неприятностей волей всеявонного. А роль всеявонного для Ююно Родезии он решил взять на себя.

11 ноября 1965 года «Родезийский фронт» объявил Юююю Родезию «не-зависимым государством белого че-ловека».

Прошел год. Родезийские «культур-а» помой отраздновали первый год существования своего «государства». По специальному заказу Смит был отпав ведный министр, на манер аме-риканского «Молодца свободы».

На торжественном банкете, посвя-щенном годовщине «независимости Родезии», Смит, одетый в смокинг, выпил за здоровье королевы Елизаветы двенадцать раз. «Никаких неприятно-стей, никаких неприятностей, никаких неприятностей!» — голосом мол-дуну Кауудо гювал коломол под уа-раманья правителями.

морской пехоты, патулирующие базу, увидели, что в микроминаторах катушечной кассеты зажегся свет. Переговоры начались. Кроме шифров с рашинки и сейфов с шифрами, господин Вильсон привез с собой небольшой портфель черной кожи, и ручку которого так же была прикреплена бижута с загарными

маршрутом «Лондон и далее...». В портфеле лежал проект «рабочего документа» по родезийской ситуации. Если Смит примет предложение английского правительства, то по словам самого Вильсона, он имеет все шансы вернуться в Солсбери законным премьером Родезии. Переговоры продолжались два дня.

Белый... Сколько таких надежных, напыщенных планаторов поларает еще в Африке достоинство человека.

два дня Вильсон склонял к взаимоприемлемому решению человека, которого сам год назад объявил мятежником.

два дня английский премьер вел переговоры с расистским фюрером Южной Родезии, хотя год назад торжественно клялся в парламенте навести со Смитом низкие переговоры.

Через два дня переговоры окончились. Проект «рабочего документа» переписывал из портфеля черной кожи в небольшой плоский чемодан. «Римтинговский путь Родезии-397» доставил Вильсона в Лондон. Смит улетел в Солсбери. Чейсер «Тигр» вернулся в Касабланку.

На пресс-конференции в лондонском аэропорту английский премьер-министр был немногословен. — У меня и у господина Смита одно общее желание, — заявил Вильсон журналистам, — хорошо выспаться.

В Солсбери с журналистами обшлись проще. За полчаса до прибытия «ДС-14» их собрали в конференц-зал якобы для инструктажа. Затем зал был запечат и оцеплен полицией. Смит сел в ожидающую его машину и, сопровождаемый эскортом мотоциклистов, поехал в свою резиденцию. Вид у него был очень усталый.

Но сон в эти часы не шел. Не спало ни в резиденции Вильсона на Даунинг-стрит 10, ни в особине Яна Смита в Солсбери.

Родезийское правительство обязано было до десяти часов утра ответить Лондону, принимает ли Ян Смит «рабочий документ», или нет. Ромно в 10.12 Смит позвонил откровенно до 3 часов дня. Темля напряженные часы ожидания. Утром выпущены газет писали, что если Вильсону удастся уговорить Смита, то палата общин парламента «управится с родезийской проблемой за день».

Минувал и этот срок. Из Солсбери пришла просьба о новой отсрочке — на этот раз до 5 часов вечера. Часы вые стрелки Большого Бена на лондонском Тауэре переползают и эту цифру.

Проходит еще немного времени. Влеер правительственной резиденции в Солсбери расслаживается, и Ян Смит выдает и ожиданием его решения толпе сторонников восторженного энтузиазма.

— Нет — Вильсону! — провозглашает Смит. — Борьба продолжается! Операция «Тигр» провалилась...

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК

У дверей лавок и магазинов Солсбери выставлены ногоодные плакаты. Риженные Санта-Клаусы приглашают покупателей показывать на широкую распродажу оцененных английских стедриновых свачей.

Готоваея весело отраднозовать рондество, родезийские плантаторы беззаботно занялись предпринимательскими понуками. В середине декабря магазины столицы не жалуются на отсутствие покупателей. Конечно, теперь товаров стало меньше, а несильно прочитываемые надписи печатными кириллицейными департамента внешней торговли. Плантаторы не унывают. «Родезийский фронт» все поимает себя! Борьба продолжается!

Ян Смит уверен, что сумеет обойти решение Лондона и Совета Везелогосии ООН о санкциях против Родезии с помощью нового вождя киноафриканского фашистского режима Бесзатара Форстера. Ведь во время действовавших до решения Совета Бесзатарности «рабочих санкций» весь родезийский экспорт шел через ЮАР.

Что же изменилось сейчас? Разриналированные правительство Вильсона экономические санкции против Южной Родезии оказались несостоятельными. В области негата они замкнулись в том, что британское Адмиралтейство не приняло подорож Яна Смита капитану крейсера «Тигр» — между вазу. Что же касаетея экспорта, то здесь «отражательные санкции» свелись к тому, что английская валюта не продвигается в Родезию... Футбольный мич, подписанный игроками сборной Великобритани.

А нефть по-прежнему в неограниченном количестве поступает в Родезию из ЮАР. По-прежнему продает Юанию Родезия табак и хлопок. Полуцаря остались старые, правда, теперь появились последние — все торговые операции с США осуществляются через португальскую колонию.

Пона Лондон угрожает санкциями, Смит повестием «укрепляет белую цивилизацию».

Введен новый фашистский закон «о поддержании законности и порядка, целиком заимствованный из Южно-Африканской Республики. По этому закону сотни африканцев закупаются в тюрьмы Солсбери и Булавайо, тысячи отправляются в концлагеря.

Уже давно в стране введен комендантский час, разумеется, только для «цветного» населения.

Вот что заявил, выступая по родезийскому радио, министр иностранных дел правительства Ситама Уиллума Харпер.

— Режим находящегося у власти правительства уничтожит целые bands террористов, пытающихся свергнуть существующую власть. Ни один из сопротивляющихся африканцев не уцелеет.

Обстановка в Родезии накалена до крайности. Сопротивление африканцев расистскому режиму охватывает все новые и новые районы страны. В окрестностях Булавайо патриоты

зворваны три правительственных здания. Рабочие Утаити строят на улицах баррикады и захватывают полицейские казармы.

И эту многонациональную армию борцов за независимость своей земли и своего народа расистский министр называет «bandой террористов».

«В Родезии нет террористов», — говорит глава руководства партии «Союз африканского народа зинабаве» Стефан Никомо. — Все африканцы зинабаве выступают против ненавистного режима Яна Смита, и единственной возможностью расистского правительства — расстрелять всех террористов — состоит в том, чтобы физически уничтожить всех африканцев в Родезии. Хотя события в Родезии окутаны завесой молчания и фашистскому режиму удалось сохранить в тайне кропотливую работу армии и фашистского населения этой стране, ему не удалось захватить саму Родезию».

В твоем предрасположении работа на фабриках и в мастерских. Работа аф-

риканцев нарастает, и Ян Смит учитывает возможность введения в стране чрезвычайного положения.

И правительство Ситама вынуждено принимать «чрезвычайные» оборонительные меры. Вокруг административных зданий и промышленных центров вымощены проволоочные ограждения. Сам премьер-министр соорудил вокруг своей резиденции забор высотой около трех метров. В парламенте места для публичной отделки от заезда специальной машины забор высотой около метра. Специальные меры просторожности приняты и на мезельных проходах, где вперед поезда пускается платформа с балластом.

В Солсбери официально объявлено, что на случай волнений среди угнетенного африканского населения правительство Ситама решило создать в помощь армии женские «добровольческие бригады».

Командиром этих «бригад» Ян Смит назначил жену плантатора из Форту-Винтория расистку госпожу Лиз-Мэй.

Облачая в военный мундир, «главнокомандующая» заявила, что она сама будет вести в бой своих родезийских женщин в возрасте от 17 до 70 лет.

Впервые через две недели премьер-министр Ян Смит принимал парад «женских добровольческих бригад». Пред собой лишь малую кучку растерянных расисток.

Это — прискрибно, господин Смит — пожелавшая ему расистская женщина в форме.

— Это весьма прискрибно, госпожа Лиз-Мэй, — в тон ей ответил премьер-министр.

Но, видимо, у родезийских женщин хватает времени на подготовку к войне. Ян Смит.

Самое интересное, что создается специальные полицейские школы, заняты обучением расистских женщин. В Форт Уай размещены военные заказы на сумму больше, чем в Англии, — около 50 миллионов фунтов стерлингов. Нужны средства, чтобы поддерживать в состоянии боеспособности «родезийский фронт», на котором, как сообщается, сражаются добровольцы Ситама. Сейчас на Англию особенно не рассчитывать не приходится. И газетными строками Ян Смит захотел выдох.

22 декабря 1966 года. Западная Германия. Франнфурт. Городской аэродром.

Штурманские карты были уже выверены, диспетчер разрешил взлет, и самолет южноафриканской авиакомпании медленно пошел и бетонной стреле вальто пошел.

Со стороны здания аэродрома послышался рев сирен. Неожиданно несколько полицейских автомашин промчались по полю аэродрома, порывали самолеты и преградили ему дорогу.

Из задерганного самолета, следующего курсом Франнфурт — Сомерсвилль, вылезли груз — десять ящиков обычных на вид авиационных снарядов, обитых полосками мяса. Правда, в самолете не было соответствующее упоминание содержимое — около двух тонн родезийских банок на общую сумму около 110 миллионов фунтов стерлингов.

Деньги были отмечены в одной из частных типографий в Йоханнесбурге. Это была только партийная выделенная записка. Всего Смит заказал отметить 28 тонн банок разного содержания. Фашишмонетница схватила деньги.

Но деньги не были арестованы. Они не зашлись на полях сражений Франнфуртского фронта. В своем сообщении, что баварское правительство расследует дело, министр иностранных дел Ситама не упоминал о фашишмонетнице. Деньги были отправлены в Родезию.

Все сильнее дует над африканскими континентами ветер военных перемен. Все больше стран этого многоугольного материка пытаются вырваться из состояния застоя, отстаивая самостоятельное развитие. Африканские народы, дожившие до независимости, открыто заявляют, что они решительно выступают против «прива- колониализаторов держат в колониальном рабстве африканцев. Освобожденные страны не могут оставаться без ответа призыв угнетенных народов о помощи.

Эта справедливая позиция вполне оправдана теми обидями для всей Африки бедями и страданиями, которые причиняла ей колониализм. Эта справедливая позиция оправдана и тем, что для всех африканцев стремление к свободе и независимости. Африканцы требуют помощи и поддержки у западных стран в кровавых преступлениях и злодеяниях колониализма и расизма. «Любо дружба с африканскими народами, любо поддержка стран, угнетающих африканские народы» — такой выбор полагали перед нагальстическим падением резолюция конференции глав африканских независимых государств в Аддис-Абебе. Большинство африканских независимых государств объявило полный бойкот Родезии. Африка не намерена смириться с существованием на континенте много расистского багтяна.

Режим Яна Ситама обречен, и рано или поздно к ним будет покончено.

«Великий молдун Кауидо Динзахале» не отрывался смеяться в золотого уголка мостра и думал. Все изначо ослышался свое искусство заговаривать везанье, предотвращать несчастия, вызывая духов умерших и предсказывать судьбу.

Из Форту-Винтория в Утаити, из Гатуми в Милонг, шла по пятам к ним его слава. Но на этот раз молдун сплосковал «Родезийской» заманду победой безупречную репутацию молдуна Кауидо Динзахале.

Великий предсказатель оказался индустриальным политическим пророком...

Маленькие родезийцы. Это их, будущие Родезия, плахички боится Ян Смит.

XX век. Осажденные морды полицейский собак. Родезия, страна-концлагерь.

«Это был толстенный том в кожаном переплете. Такой книг теперь не бывает ни по объему, ни по размеру, ни по содержанию. В эту книгу последовательно заносились записки о куле, продаже, передаче по наследству крепостных крестьян Мо-

ОПЕРАЦИЯ НА... КНИГЕ

сковской губернии. Множество ее страниц скоплено, разорвано, покрашено пеленками, ослепшими, истлевшими. Время почти уничтожило книгу. Почти...

Книгу разнимают на отдельные листы, бережно укладывают каждый лист на стеклянный столик. Затем с помощью плоской кисти, смоченной соответствующим раствором желатина или водорастворимой метилцеллюлозы, его пропитывают и одновременно расправляют. Так начинается обработка старинных поврежденных книг. А учреждение, в котором это все происходит, называется Центральные реставрационные мастерские Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

Здесь работают люди в белых халатах, очень похожие на врачей. И обстановка тут больничная. Здесь лежат книги, долго, кропотливо, настойчиво. Прежде чем занять свое место на стеллажах архива, многие древние издания проходят в реставрационных мастерских полный курс лечения.

«Этот самый толстенный том неслучайно обгорел во время московского пожара 1812 года, долго пролежал в земле. Начальник цеха физико-химической консервации и реставрации документальных материалов Валентина Владимировна Прозоровская показывает мне один из листов. На нем аккуратным писарским почерком среди других записей выведено: «№ 237. Дмитрия Порфирья — кузнец — 35 рублей». Это стоимость его, Порфирья Дмитриевича Листа, которая уже предельно тщательно обработана. Теперь его кладут на марлю и отправляют в сушилку. Потом из комнаты, которую образно можно сравнить с процедурной, наш лист попадает в большой зал, уставленный деревянными столами. Тут операционный кабинет.

«Хирург» — реставратор Екатерина Александровна. Молча кладет его на стол, накрытый толстым леглигасом, прикрывает листом чистой бумаги, включает нижний свет — и все участки древнейшей хорошо видны. Сильнейшим онемением на приложенном сверху чистом листе бумаги кусочек, совпадающий с обрывками и дырами на основном листе. Затем прикладывает их к документу.

— После зачистки и протравки вы почти не заметите нарушений целостности основы», — говорит Екатерина Александровна.

— Сколько лет сохранится восстановленный документ?

— Думаю, что вполне доживет до того времени, когда вполне научатся считать его вечным.

Рассматривая «вылеченные» грамоты, с которыми прибывали в Рос-

К ветхой, истлевшей бумаге прикоснулась рука реставратора... С этого момента начинается новая, долгая жизнь документа.

сию иностранные послы, старинные описи имущества и спрашиваю:

— Кто же восстанавливает текст, удаляет и дописывает утраченные места?

Теперь отвечает сама хозяйка Центральных реставрационных мастерских Галина Яковлевна Какадзотова.

— Труд художника-реставратора и труд реставратора документов различен. Если первый, стремясь сохранить и закрепить картину, кроме того, часто должен и дополнить утраченное, неизбежно приносно что-то

свое в творение древнего мастера, то, имея дело с документом, у реставратора лишь одно право — хорошо закрывать и восстанавливать, что сохранилось. И уже историк, работая над документом, будет строить предположения, искать подтверждений, исследовать параллельные документы.

Мы подходим к одному из столов, на котором лежит пожелтевшие папки с подшитыми в них листами выцветшей обертонной бумаги. Бледные, выцветшие карандашные записки, приходящий шрифт старенькой, разбитой

машинок. С трудом разбираю написанное на одном из листов: «Приказание по 25-й стрелковой дивизии. Город Уральск. № 066 24 июня 1919 года... Далее в папачонках выданные обрисовывается тактическая обстановка на фронте, затем следуют распоряжения бригадам: «Бр. 3: Комбригу тов. Зубову. С зашитым хутором Шинцовова и Простова, одновременно с двумя полками занять хутор Кошумский и далее направо до установления прочной связи с 1-й бригадой. По занятии указанного участка укрепить окопы траверсами и ни шагу назад».

Лист пожелтел, обтрепался, текст разбираю с трудом, но подлин вылавливаю внезапное волнение: «Надня Челева. Военполитом Фурманов! Легендарная 25-я дивизия! Передамной документа Чувашской дивизии! Но почему ЧЕПАЕВ, в не ЧА-ПАЕВ! Мне объясняют, что Василий Иванов, оказывается, всегда так писал свою фамилию, и только после его гибели, а потом уже и в исторических исследованиях «Е» переменили на «А». Вот и маленькое открытие!

Смотрю дальше, листаю папку приказов по дивизии, и вот другой, горестный, волнующий документ: «Приказ по 25-й дивизии. № 1а. 6 сентября 1919 года. Город Уральск. По стрелковой части. 1. Составившая я вступил в командование 25-й стрелковой дивизии. Основание: телеграмма командарма 4». Затем следует перечень названий командного состава дивизии: «Бр. 10. Объявляю список лиц командного состава и рядовых 25-й стрелковой дивизии реальных и пропавших без вести. Боею при налете казавок на расположение штаба дивизии в городе Лбищенске 5 октября 1919 года:

1. Начальник дивизии Челева Василий — ранен, пропал без вести.
2. Начальник штаба Новиков Николай — ранен, пропал без вести.
3. Военполиткомиссар Батулин — ранен, пропал без вести.
4. Инструктор батальона Исая Петр — ранен, пропал без вести.»

Всего тридцать один человек. Приказ подписан дугой и соратник легендарного наводца Кутякова. В своем приказе он не писал кубиты, еще не известно, еще была надежда...

Как же будут возвращать эти басенные реликвии! Сперва разойдутся папки и отделат листы. Затем с помощью специального приспособления с помощью воздуха удалит пыль из пор бумаги. Потом отделат пробой текста на растекание: попробуют различные мощные химические растворы на отдельных штрихах для того, чтобы найти такой, который не повредит текста. Удалят всякие подклепки, следы первоначального грубого ремонта. После этого документ будет устроен заново — его тщательно промотают, пропитают закрепляющим раствором, подклеют механические повреждения, отпрессуют, и документ заживет второй жизнью.

За время существования мастерских — тридцать лет — люди в белых халатах сделали очень много. Почти половина древних документов, хранящихся в архивах, прошла тщательные осмотры, а если науки, и реставрация, остальные ждал своей очереди. Очень много работ у этих людей будет устроена завина — это чистый промот, пропитают закрепляющим раствором, подклеют механические повреждения, отпрессуют, и документ заживет второй жизнью. За время существования мастерских — тридцать лет — люди в белых халатах сделали очень много. Почти половина древних документов, хранящихся в архивах, прошла тщательные осмотры, а если науки, и реставрация, остальные ждал своей очереди. Очень много работ у этих людей будет устроена завина — это чистый промот, пропитают закрепляющим раствором, подклеют механические повреждения, отпрессуют, и документ заживет второй жизнью.

Дональд Кампбелл за несколько минут до триумфа.

Об истории покорения вогуев глубин говорилось в статье «У глубинного барьера» («Смена» № 6, 1967 г.). Продолжим рассказ о рекордах XX века. Разговор пойдет о скорости — на воде и на суше.

через 10—15 лет с такой же скоростью полетит и мы с вами на обычном пассажирском лайнере. И, не рискуя ошибиться, можно сказать, что ни мы, ни наши потомки никогда не будем ездить на автомобилях со скоростью 366 километров в час. А именно таков сейчас рекорд, принадлежащий американцу Крату Бридлоу.

Вот уже много лет скорость легковых и грузовых автомобилей практически держится на одном уровне: от 80—120 у грузовых до 120—180 километров в час у легковых автомобилей. Они стали комфортабельнее, экономичнее, безопаснее в движении, но скорость, увы, не повышается. И вина в этом не конструкторов. Скорость на дорогах, как бы хороши они ни были, имеет предел безопасности и целесообразности. Ведь за рулем сидят не профессионалы-автомобилисты.

Значит, все — достигнуто практически возможный предел и можно успокоиться на этом, оставив монополию на скорость за авиацией, с которой не в состоянии составить конкуренцию транспорт?

Но люди продолжают погоню за скоростью и на земле. Это спорт, в котором есть свои победители и побежденные, в котором, как и во всем, чем-то касаются грязные руки мира бизнеса, ширит дух торгашества и наживы, в котором каждый шаг, каждый рекорд достигаются ценой большого риска.

В последние два десятилетия погоня

за скоростью увлекла не только автогонщиков, но и конструкторов. В Англии, в Америке строятся все новые и новые «суперболиды», способные «штурмовать» абсолютный мировой рекорд на 1 километр (или на 1 милю). Этот отрезок гонимцы должны пройти в двух направлениях с ходу, вбросив стрелу автострады стала слишком узкой и тесной для механизированных новобоев. Природа, которой было все не досуг изобрести колесо, пришла на помощь отчаянным. Она создала на необитаемых землях просторах три километра перлоландского Юпитрия. И автогонщики со всех частей света устремились на один из них, затерянный среди безлюдных гор. Дно высокого Солваного озера в американском штате Юта — белоснежная сверкающая гладь прозрачных кристаллов — оказалось тем идеальным автодромом, без которого немиссия рекордистам. Что касается техники, то из-за нее дело никогда не останавливалось. «Синия птица», «Зеленое чудовище», «Дух Америки» — вот далеко не полный перечень действующих персонажей.

По образному выражению одного из специалистов, автомобиль — это платформа на колесах — превратится из маленькой неустойчивой машины, в которой водитель сидит, подобно нору на мустанге, в распластание по земле чудовищ, коуд водителя оставил, как рука в перчатку».

Эти слова, сказанные в период расцвета порывных машин, звучат особенно актуально сейчас, когда трассу Солваного озера отступают реальные двигатели. В счастливые годы разветвленной помощи гонимцам достигли фантастических скоростей. Почти семидесять лет держался абсолютный рекорд английского гощика Джона Кооба, показавшего в 1947 году

на «Громовирище» ошеломляющий результат — 644,32 километра в час.

Множество гонимцев пыталось «штурмовать» этот рекорд, но долгие времена он оставался «заколдованным». Пожалуй, только и никогда не делалось стольких попыток превзойти заветную черту, как здесь. И вот в 1966 году американец Минни Томпсон прохордит мерзую милю со средней скоростью 539,41 километра в час. Но его рекорд не был засчитан. По правилам Международной автомобильной федерации (ФИА) рекорд требуется превзойти не менее чем на один процент. В 1963 году другой американский гощик, Крат Бридлоу, развил скорость в 656,63 километра в час и становится обладателем абсолютного мирового рекорда скорости на... мотоцикле. Дело в том, что ФИА отказалась регистрировать результат, достигнутый на трехколесном реактивном автомобиле. Наконец, 17 июля 1964 года англичанин Дональд Кампбелл на своей «Синей птице» развил скорость 648,86 километра в час. Кампбелл, этот рекорд, установленный по всем правилам, по традиции продержится долгие годы.

Но прогнозы были с головоручи. Быстрой развели другими гощиками, знавшие бистрейших на земле в считанные месяцы перелетало из далней Австралии (со дня высокого озера Эйр, где стартовали англичанине) на трассу в штате Юта. Правда, «маршрута скоростей» представляла дилемматичная борьба за название 13-го параграфа «Международного спортивного кодекса» ФИА, согласно которому автомобилем считался четырехколесный транспортный аппарат с двумя управляемыми колесами и двигателем, привод от которого осуществляется по меньшей мере на одну ось. Новая редакция открыла дорогу автомобилям с любым числом двигателей и любым количеством колес — от трех и более.

Бумажные снопы ланги! И буквально через месяц, 3 октября 1964 года, американский гощик Том Грин на машине конструктора Уолта Афонса развил скорость в 668 километров в час. А вот теперь рекорд держит конструктор Арт Афонс на

второй машине перевалял 760-километровый рубик. Создатель «Зеленого чудовища» заложил в свой детиче поместные «чудовищную» мощность — 17 тысяч лошадиных сил. Штурм рекордов продолжался рекордными темпами. Через два дня на той же трассе Кампбелл, новая санкция рекордиста

Арт Афонс уже на участке разгона превалил ранее показанную скорость, превысив ее на 100 километров. Чрез считанные секунды, но на второй миле громадной перегрузку не выдержала резина на колесах. Машина пошла задом, прорубившая с лопнувшей шиной более 4 километров. Непредвиденная, но часто повторяющаяся случайность, тогда гощик, не понимая как, оставил шезелоню. Но есть ли время над этим задумываться, когда прямо на твоих глазах мировая рекордиста уходит и другому. «Мотоциклист» Крат Бридлоу на новой, теперь уже четырехколесной машине довел абсолютный рекорд скорости сначала до 744,56 километра в час, а потом и до 843,59. Рафинированный Дух Америки Бридлоу в одном из заездов показал скорость, близкую к девяти сотням.

Арт Афонс снова за рулем автомобиля. На этот раз все обобщая стало галопу. И новый рекорд шагнул еще выше — 863,72. За двадцать дней усиления двух гощиков были пробиты новые рубежи скорости. Такого история автомобильного спорта еще не знала.

Если бы этот валет промчался

пятнадцать лет назад, гощики могли бы не беспокоиться за судьбу своих рекордов. Но нежные и автомобильные конструкторы, которые затрачивают на строительство рекордных машин миллионы долларов и фунтов стерлингов, не жалуют угасать огоничные пирушки. Шувая реклама продукции этих фирм в случае успеха их суперболидов принесет огромные барыши, которые с легкой крокофт все расклевывают.

Погоня за скоростью продолжалась! В июне 1965 года все тот же Крат Бридлоу из своего модернизированного «Духа» подлил отоглет скорости до 893,39 километра в час. А всего за ним его жец И промчался со скоростью в 917, установив рекорд не

Участники воюли за скорость.

«Золотая жел». »

Зеленое чудовище.

На скорости свыше 300 километров в час «Синяя птица» взлетела вверх и, совершив «мертвую петлю», вернулась в воду.

Самый долгий торжествовал лишь одну неделю. Всево шевя днре потребовался А. Арнонсу, чтобы его «Чувствительную» еще один рубль, на этот раз со скоростью 327,34 километра в час.

Никто из гоночников не знает, что его ждет в час старта. Мог ли думать Крз Бридсон, что его «Дух Америки», вышедший со скоростью 390 километров в час, потребует управления и соедет с дорожки? Не помог даже всакоплетный стабилизатор. Спидли Бридсон боролся расплавленной соля, омакмиляющие трассы. Они погасили скорость автомобиля.

Три недели чинил Бридсон свою машину, менял аэродинамику, совершенствовал систему управления. И уже в начале ноября снова стал самым быстрым гонощиком на земле, пройдя верный отрезок со средней скоростью 366,75 километра в час.

Надолго ли?

«Знаменем века» назвали специалисты появление автомобилей с реактивными двигателями. Правда, автомобили эти конструкции можно назвать с очень большой натяжкой. Отбросьте аэродинамические формы, самолеты стабилизаторы, герметические кабины, мощные тысячекратные турбины и ракетные установки — аэроконструкторы шли здесь по пути авиаторов. Чтобы остановить дикой зрелищ случай аварии, используются тормозные парашюты. А для защиты водителей применяются специальные герметические костюмы.

Мощность поршневых, газотурбинных и реактивных двигателей тоже не уступает авиационным. Например, дерогителеская машина «Остина» весила 10 тонн и имела двигателя мощностью 6 900 лошадиных сил. Но это «малютка» не показала даже 600 километров в час. «Синяя птица» Кампбелла при весе в четыре тонны имела мощность 4 050 лошадиных сил. В эти два вихарна воплощались давняя мечта конструкторов — получить из каждого килограмма веса автомобиля 1 л. с. мощности его двигателя.

Это идеально соотношение было достигнуто американским гонощиком Саммерсом, установившим в июне

1965 года мировой рекорд для поршневых машин на автомобиле «Золотой мезл», имевшем четыре двигателя общей мощностью 2 400 лошадиных сил. Его десятилетняя громадина весила всего около трех тонн и имела отличную аэродинамическую форму.

Правда, победа в борьбе за абсолютный рекорд скорости осталась на стороне представителей «грубой силы». Их реактивные «монстры» имеют двигатели мощностью 17 тысяч — 20 тысяч лошадиных сил. Комментарии к этим цифрам, как говорится, излишни.

Существует ли предел скорости, которую открыла на земле «сухперболонда»? На этот вопрос в наши дни не сможет дать ответ ни один из знатоков автомобильного спорта. Да и что здесь можно сказать определенное, когда в дело пошли даже двигатели от ракет «Минитмен» и «Плоарис».

По последним сообщениям западной прессы, у всех этих «удальцов» появились опасный конкурент на воде. Реактивная лодка «Харвей», по мнению конструкторов, способна развить скорость в 1 350 километров в час.

«Да быстрее? На земле или на воде? «Харвей» или «Дух Америки»? А может быть, и там и тут одновременно?» По последним данным универсал был английский гонощик Дональд Кампбелл, трагически погибший в начале этого года. Два «Синие птицы» — автомобиль и моторная лодка — сделали его в свое время самым быстрым человеком на суше и на воде. Но какой дорогой цели достигался. Ни у, ни у Томаса.

В 1923 году развился американец Парнер. В 1928-м — Дж. Томас. В 1952-м на озере Лок-Хес — Дикон Боске. Все эти гоночники погибли, пытаясь установить рекорд скорости на воде и тем самым сделать «дубль».

Отец Дональда Кампбелла, итальянец, первым в 1932 году перешагнул 400-километровый рубеж. Он перешагнул в наследство сына свою «Синюю птицу». Но только в возрасте 27 лет сел за руль Кампбелл-младший. Он стал профессиональным гонощиком после того, как его отец забеспокоился о здоровье не вгляди в авиацию. Начинал

Дональд свое шароу гоночком на воде. Не раз штурмовал он на водной глади мировой рекорд, но безуспешно. Наученный горьким опытом (в одном из заездов от случайной проблемы утонула «Синяя птица»), он подолгой отработавший «малюду» деталь новой конструкции. И только в 1959 году, через семь лет после гибели Косба, Кампбеллу удалось развить на воде рекордную скорость — 418 километров в час.

Затем Кампбелл стал готовиться и побитию другого рекорда — на суше. За год он модернизировал свою знаменую «Синюю птицу» и летом 1960 года на дне высшего озера Эри в Австралии пошел на штурм второго абсолютного мирового рекорда. Едва заметная неровность почвы чуть было не лишила гоночника жизни. Четырехсекундная «атлетика» на громадной скорости подлетела на зтой вымгнине и в одно мгновение превратилась в груду металлолома. Четверым годам позже, когда мировой рекорд все же был установлен, сократил гоночник, и которого во время одной из аварий были переломаны руки и ноги, а во время другой — шенные повозки, несвое назвал себя «смертником, которому пока очень везет».

Дональд был не только первоклассным гонощиком, и очень мужественным человеком. В его истинной гибели погоне за скоростью было что-то фатальное. И предчувствие близкой гибели не обмануло спортсмена, а января 1967 года Кампбелл вновь стартовал на своей «Синей птице». На глазах у миллионов телезрителей восточной Англии стали моллой «норрла скорости».

На высоте фантастической скорости — свыше 500 километров в час — лодка взлетела вверх и, совершив «мертвую петлю», вернулась в воду.

— Я гибну, это немощь, — последние слова знаменитого гоночника, Иннес Арбалд, рекий продолжил «работу» Кампбелла.

Сейчас семидеять английских фирм во главе с концерном «Бритиш

петролеум» строят для Айрланд новую «птицу» — теперь уже реактивную. Их в первую очередь интересуют реклама и связанные с ней прибыли, а не судьба гоночника. Бизнес есть бизнес. Погибнут Арнонсы, Бридсоны, Томпсоны, на их месте всегда найдутся другие — менее знаменитые и более покладистые — те, что пускаются в рискованные операции, ничего общего со спортом не имеющие. Это они устраивают заезды на Солонем озере в паровом, когда вода еще не сошла и соль на трассе не затвердела. Вот почему это озеро в последние годы получило печальное прозвание — «кладбище моторов». Да и не только моторов. Сильною водителей навсегда остались навазми, пытаясь просчитать здесь рекордные километры.

Как же относится к гоночкам за смертью сами гоночники? Буружудная теория, которая так любит расписывать победы на трассах солиных озер, предпочитает об этом помалкивать. Из snippets газетных сообщений можно лишь вымощком узнать, что Крз Бридсон уже давно составил завещание, а Арт Арнон после одного из неудачных заездов объявил, что нить ему усталос самое большое пять лет.

Вот как описывает этот старт один из зрителей:

«Когда была пройдена контрольная миля, я увидел огненный шар, вырвавшийся из сопла двигателя, затем автомобиль дернулся в сторону, превратился и с ужасною скоростью грохнулся на землю, на глазах превратившись в груду железного хлама».

Правда, на этот раз зрела оказалась ягиче вода. Но Арт Арнон со своим знает, что ожидает вышедшего в гнры гоночника. Вот почему, еще находясь в больнице, он заявил репортерам: «Я построю новую «Завую «птицу» с натуральнотуремой кабиной и продолжу гонок».

Они за скоростью — гонки за смертью. Напряженная борьба нерва и моторов у луноугого барьера. Ведь чем больше риск, тем больше платят.

В. ЗАХАРОВ

«Дух Америки»

Новая конструкция Уолта Арнонса с двигателями от «Поляриса»

СВЕТЛАНА

Фантастический роман

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЕСТЬ КОНТАКТ!

Пробуждение

Все последующее я видел урывками, бессвязными чередованиями распыляемых белых картинок. В этой белизне вдруг сверкали какие-то цилиндрические нивелированные поперечности, извивались, как змеи, длинные трубки и склонились над мной чьи-то лица.

— Он в сознании, — слышал я.

— Я вижу, Ирина.

— Все готово, профессор.

И все по-французски, быстро-быстро, проникла в сознание или скользнула мимо в хаосе непонятных, зашифрованных терминов. Потом все погасло — и свет и мысль, и вновь ожгло в белизне. Опять склонились надо мной незнакомые лица. Блестело что-то полноразное — ножики или лопатка, ручные часы или шприц. Иногда нинель сверкала прозрачной мерцательной резиновой перчаткой, как розовой стерильностью рук с коротко остриженными ногтями. Но все это делалось надоедо и проваливалось в темноту, где не было ни пространства, ни времени — только черный вакуум сна. Потом картины становились все более отчетливыми, словно кто-то невидимый регулировал наводку на резкость. Худощавое, строгое лицо профессора в белой шапочке смеялось еще более суровым лицом сестры в монашеской белой козырьке, меня кормила булками и соками, пекла пироги и не позволяла говорить.

Каждо я все-таки ухитрился спросить:

— Где я?

Местные пальцы сестры тотчас же легли мне на губы.

— Молчите. Вы в клинике профессора Пелетье. Берегите горло.

Обнажив склонилось надо мной знакомое лицо в дымчатых очках с золотыми дужками.

— Ты! — воскликнула я и не узнал своего голоса — не то хрип, не то птичий квянок.

— Тсс... — Она тоже направла мне рот, но как осторожно, иан навесом было это приснование! — Все хорошо, любимый. Я скоро опять приду.

— Сии.

И я спал, и просыпался, и ощущал все уменьшающуюся связность в горле, и вкус бульона, и укол шприца, и вновь проваливался в черную пелусту, подна наконец не проснулся совсем. Я мог говорить, кричать, петь — я знал это: даже ползна на горле была снята.

— Как вас зовут? — спросила я свою обычную суровую гостью в носинке.

— Сестра Тереза.

— Вы монахиня?

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО,
Г. НОВОЖИЛОВА

— Все мы монахини в этой клинике.

— Значит, профессор — иноксин?

— Профессор будет гореть в аду, — ответила она без улыбки, — но он знает, что самым умалье медицинские сестры — мы это наш обет.

«И тоже буду гореть в аду», — подумала я и переменила тему.

— Давно я в клинике?

— Вторую неделю после операции.

— Безбожник делал! — усмехнулся я.

Она вздохнула.

— Все божий промысел.

— И розовые «обнаки»?

— Энциклима его святейшества объявляет их творением наших братьев во Вселенной, созданных по образу и подобию божиному.

Я подумал, что его святейшество уступила меньшему зву, отдав предпочтение антропоцентристской гипотезе. Для христианского мира это было единственные выходом. А для науки? На какой гипотезе остановился научный конгресс? И почему я до сих пор ничего не знаю?

— У вас больница или тюрьма? — рассердился я.

— И почему меня медленно морит снов?

— Не морит, а лечит. Сонная терапия.

— А где газеты? Почему мне не дают газет?

— Поное отлучение от внешнего мира тоже входит в лечение. Заочитесь курс — все получите.

— Тогда почему нет посетителя? Или меня все забыли?

— День свиданий сегодня... Прием начнется... — она посмотрела на ручные часы, блеск которых я столько раз видел во время своих пробуждений... — через десять минут.

Я выдержал эти десять минут поинерий, как вгнемки. Мне даже разрешили сидеть в постели и разговаривать, не глядя на сендигорев: голосовые связки у меня совсем зажили. Ирина все же предупредила:

— Говорить буду я, а ты спрашивай.

Но мне даже спрашивать не хотелось, а только

повторить пять букв в одной и той же интонации: милая, милая, милая... Занятно все-таки у нас получилось: никаких предварительных объяснений, вдохов, извещений и похлываний. Всею подготовку проделала моя болезнь с той минуты, когда меня, истекающего кровью, нашли у зернова в номере. По словам Ирины, он добрался вовремя: я еще дышал.

— Откуда добрался? — спросил я.

— Снизу. Из холла. Почти без сознания делал. Чужда! Слово возвращение из крестовых походов.

— Помажу, положие. Шестнадцатый век, по-моему. Шагга без новека, а клинок, иан тростинка. Попробуй отбить — молния!

— И ты отбила! Томе мне мушкетер. Уметь же наст... —

— Учили когда-то в институте. Вот и пригодилось.

— А начилось операционным столом.

— Так я же в ложушку попал. А противник — дав Кет Ас. Поинишь пария с повязкой на лбу за табльдотом?

Ирина не удивилась.

— Он и сейчас в отеле. И по-прежнему вместе с Каррери. Кроме нас, эта пара — единственные постояльцы, не сбывавшие из отеля после той ночи. Ну и паника была! А портье даже повесился.

— Иной? — вскринула я.

— Тот самый. Лысий.

— Этан? — паресорился я... — Почему?

— Нинто не знает. Не оставил даже записки. Но, по-моему, зернов что-то подозревает.

— Собака собачья смерть. А что с Дане?

— Ухала. Должно быть, совсем. С ним тоже история... засмыкался она... Мартин за что-то изувечил его так, что узнать было нельзя. Дураки, будет дипломатический скандал, а выйдет шум. Ланге отпизался от всяких претензий. Репортеры бросились за объяснениями на Мартину. Тот устоял их всяки и сообщил, что Ланге хотел отбить

Продолжение. Начало см. №№ 7—11.

у него русскую девушку. Это меня. В общем, смех, но за смехом тоже какой-то гайка. Сейчас Мадриг уехал вместе с Томасом. Куда? Угадаешь. Я тебе все газетные вырезки подбирала. Там и запись тебе от Мадрига — о драме ни слова. Но Зернов, поверь мне, что-то знает. Истори, завтра наконец его выступление на пленарном заседании — все газетчики ждут, как жулики за морской норбля, а за все отгадывают. Из-за тебя, между прочим. Хочет с тобой предварительно встретиться. Сейчас. Удивлен? Я же сказала: сейчас.

Зернов появился с кинематографической быстротой и не один. Его сопровождали Карреин и Монкуссо. Больше сильного эфорта он произнести не мог. Я разинула рот и даже на приветствие не отыкала.

Узнал, — сказал по-английски Зернов своим спутникам. — А вы не верили.

Тут я вскрила, благо, по-английски писать было легче, чем на любом другом языке, кроме русского. Я не помешалась и не потеряла памяти. Труду не унять шпату, которая проткнула тебе горло.

А вы помните эту шпату? — почему-то обрадованно спросил Карреин.

— Она висит у меня после шестидесятого года. Приз за Тулузу, — флегматично заметила Монкуссо.

— Я ее у тебя и запишу. И книжон и гарду, — снова вмешался Карреин.

Но Монкуссо его не слушал.

— Словно вы протряхиваете! — спросил он, впервые оглядев меня с интересом. — Минуту, да!

— Больше, — сказал я. — Вы же работали левой. — Все равно. Песал и меня много слабее, не та личность. Но не тренировалась. — Он почему-то не закончил фразу, переменяя тему: — Ваших мастеров я знаю: встречался на фехтовальной дорожке. Но вас не помню. Не включили в команду?

— Бросил фехтование, — сказал я: мне не хотелось «раскритиковаться». — Я давно уже бросил.

— Мать, — протянул он и взглянул на Карреин. Я так и не поняла, о чем он подался: об утраченном мной интересе и спортивной шпате или о том, что поединки со мной отнял у него более двух драгоценных минут жизни чемпиона.

Карреин заметил мой недоумение и засмеялся.

— Гастон не был на этом поединке.

— Как это не был? — не понял я. — А это?

— Вините меня, — сущенно проговорил Карреин. — Я осторожно пошутил косош шов на горле.

— Я все это придумал у себя на диване. Гастон, которого синтезировали и которому дали в руки такую же синтезированную шпату, — это плод моего воображения. Как это было сделано, я отказывалась понимать. Но действительный, настоящий Гастон даме не коснулся вас. Не сердитесь.

— Честно говоря, я дама не помню вас за табльдотом, — прибавил Монкуссо.

— Ложная мизия, — напомнил мне Зернов наш разговор на лестнице. — Я допускал моделирование предположений или воображаемых ситуаций, — пояснил он Карреин.

— А в ничего не допускал, — нетерпеливо отмахнулся тот, — да и не подпускал к себе эту мировую сенсацию. Сначала просто не верил, как в летящие баяндла, а потом посмотрел ваш фильм и ахнул: даешь! Целую неделю ни о чем другом говорить не мог, затем привык, как привыкаешь и чему-то необычному, но поостороженчусь и, в общем, далекую. Профессиональные интересы отвлекли и разум и сердце: даже в тот вечер, накануне конгресса, ни о чем не думал, кроме новой картины. Заставляет воспринять исторический фильм не голливудскую патбу и не музейный экспонат, а нечто переоценочно-эпизодический фон.

А за табльдотом «заезд» нашел и угорюнил. Одна ситуация ему не нравилась: поединки левой рукой. Ну, а мне виднее, как это им странно. Я его помню

на фехтовальной дорожке. Со шпатою в правой — слышно профессионалам, не сумеет войти в образ. А в левой — бог! Неумная сила, ошибка, злость на себя и чудо естественности. Убедил. Разошлись. Прилет в новоязе, душно. Мешает красный свет. Черт с ним, зажмурился. И все представил — дорогу над морем, ивмена, виноградники, белую стену графского парка. И вдруг чушь назидательная: Гастроин — в сценарии он Бонивилл — останавливает на дороге Бродяг не Бродяг, туристов не туристов, чужаков, одним словом. Не тот ден, не тот сюжет. Хому выбросить не из замысла и не могу — как прилипла. Тотчас же перелюбопытность: пусть! Новый сюжетный поворот, да еще оригинально, скажем, Бродяги, уличные антеры. А Гастроин у себя, естественно, тоже о фильме думает, не о сюжете, конечно, а о себе, все о той же дилемме: левой или правой. Я вступала с ним в мысленный спор: годичусь, убеждаю, требую. Наконец признаюсь: все!

— Это я видел, — вспомнил я. — Кучка малиновой пены у дороги, и вы из нее, как щемучий из табакерки.

Карреин закрыл глаза, пытаясь мысленно представить себе случившееся, и снова обрадовался.

— А ведь это идея! Генеральный сюжетный ход. Восстановим все, что было и как было. Словом, месье Жюри, хотите партнером и Гастроин?

— Спасибо, — прокричал я, — второй раз умирать не хочется.

Путенка в Гренландию

Когда реинсер и чемпион ушли, воцарилось неловкое молчание. Я с трудом сдерживался, раздраженный этим неумным зингом.

— Зинаида! — спросил Зернов.

— Злюсь, — сказал я. — Думаешь, приятно любезничать со своим убийцей?

Там мы, не сговариваясь, перешли на «ты».

Н. БРОДСКИЙ. 1919-й год

В НОГУ С ЭПОХОЙ

Весна этого года была для молодых художников страны порой серьезного творческого отчета: в Москве в трех выставочных залах открылась Большая выставка, в которой приняли участие 323 художника, представивших около тысячи произведений. Московскому вернисажу предшествовало почти сто выставок, состоявшихся в городах, областных, краевых центрах, столицах союзных и автономных республик. Двадцать тысяч произведений семи тысяч авторов — таковы цифры молодежных выставок. За ними — горячие сердца и молодые руки тех, кто сегодня создает высо-

кую грандиозную ответственность за судьбы советского изобразительного искусства, являющего славную полувекую историю.

Выставка произведений молодых художников была организована Министерством культуры СССР, Союзом художников СССР и ЦК ВЛКСМ. Молодые художники обращаются к большим историко-революционным темам, и современной проблематике, они ищут возможности новой образной выразительности.

Выставка молодых широко показала развитие национальных школ изобразительного искусства.

За последние годы созданы глубо-

Б. Окороков. СТРАХИ

ние, значительные полотна, посвященные образу В. И. Ленина, героине революции. С интересными картинками выступили И. Бройдо — «1919-й год», Г. Мизинин — «В. И. Ленин», Л. Петкович — «Демонстрация», В. Попков — «Двое», В. Шагокин — «Солдат Страны Советов», О. Лошаков — «Старый Владивосток», Л. Цючева — «Утро Молдавии».

С момента открытия прошлой выставки молодых художников страны прошло пять лет. За это время специальные вузы подготовили сотни художников. Сегодня они стоят в общем строю мастеров культуры. Молодежь активно решает задачи, стоящие перед советским искусством. Горится заинтересованность, способность постигать и отображать главное, чем живет страна, народ — характерные черты выставки.

Корреспондент нашего журнала Григорий Анисимов обратился с вопросом к представителям Министерства культуры СССР, Союза художников СССР и ЦК ВЛКСМ. Разговор шел о выставке, ее организации, проблемах, стоящих перед искусством в связи с 50-летием Октября.

Естественно, первые вопросы были заданы председателю всесоюзного выставкома художнику Гелию КОРЖЕВУ:

— КАК ВЕЛАСЬ РАБОТА ВЫСТАВКОМ ПО ПОДГОТОВКЕ И ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСТАВКИ?

— ВАШЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА ВЫСТАВКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ?

— КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАШЕГО МОЛОДОГО ИСКУССТВА?

Гелия КОРЖЕВ:

Разнообразие поисков, стремление средствами искусства говорить о главном в нашей жизни — вот характерная черта многих работ молодых художников. Поэтому оценивать отобрать лучше из них было и сложно и интересно.

Всесоюзной выставком был представлен художниками, искусствоведами, критиками, работниками Союза художников СССР, Министерства культуры СССР и ЦК ВЛКСМ. В него входили представители всех союзных республик. Отбор был довольно строгим, азыскавательным. Из нескольких тысяч работ мы отбрали для выставки в Москве свыше пятисот произведений. Работали с утра до позднего вечера. Хочу надеяться, что ни одной удачной работы мы не потеряли.

У меня сложилось хорошее впечатление от представленных на выставке картин, скульптур, графических серий. Туга и углубленной правдивости, к своему собственному почерку в искусстве, желание активно участвовать в жизни, бороться за полноценное искусство — таков девиз молодых художников.

Из сказанного мной видно, что общее состояние и перспективы развития нашего молодого искусства я не хочу здоровыми и плодотворными.

У нас есть хорошая искусство и люди, работающие в нем. Они решают общие задачи. И это — главное.

Следующий вопрос обращен к секретарю правления Союза художников СССР народному художнику СССР Е. Ф. БЕЛАШОВОЙ:

— КАКИЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЫЯВИЛИСЬ НА ЭТОЙ ВЫСТАВКЕ И КАКИЕ ЗАДАЧИ ТОПТ ПЕРЕД ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ?

Е. Ф. БЕЛАШОВА:

Общая тенденция произведений, экспонированных на выставке, — решение задач образного реалистического выражения чувств по отношению и событиям современности.

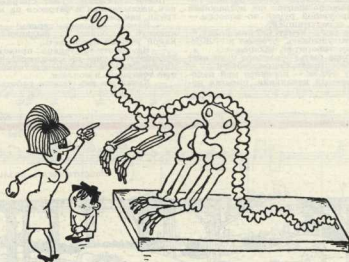
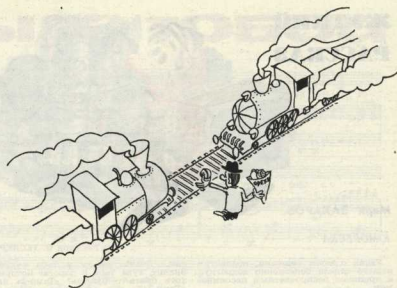
Искусство всегда связано с современным человеком и участием его в других событиях, определяющих эпоху. Через конкретного человека, его участие в жизни, продолжение его через молитвы жизни раскрываются особенности, величие и значительность истории. Это право искусства.

Молодежь на этой выставке выявила тенденцию — сочетать общие принципы искусства с непосредствен-

М. КОЖОЦКИЯ. ДАЛЕКИЕ ПАРУСА

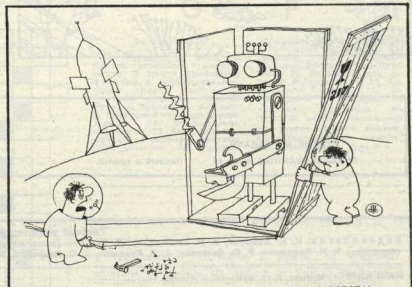

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

— ЕСЛИ БУДЕШЬ ГОРБИТЬСЯ ЗА ПАРТОВ, У ТЕБЯ ТОЖЕ БУДЕТ ТАКОЙ ПОЗВОНОЧНИК.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

СЛУШАЙ, ОНИ НАМ ПРИСЛАЛИ СОВСЕМ НЕ ТОГО РОБОТА!
Рисунки А. НЕПРАСОВА

ЖУТКИЙ РАССКАЗ

Марк ЗАХАРОВ

ЮМОРЕСКА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Узнав о моем решении, коллектив нашего отдела болезненно выдохнул и принялся беспросветным пессимизмом.

В течение нескольких часов мой непосредственный начальник моргал красными веками, закусывая винным губоу и грозно шмыряясь.

— Мовет, еще перестукаешь. Вака — ласово шептал он, поглаживая меня прощальной рукой по волосам. — Мовет, обучающийся?

— Не могу, Игнат Спиридонович, — виновато улыбался, отвечал я. — Ярый, как говорится, брошен.

— Стало быть, обратного пути нет? Нету, Игнат Спиридонович.

— Ну что же! — прозвонил мой непосредственный начальник, шмыгая по-

сом. — Значит, такая у тебя судьба! Значит, туда тебе и дорога! Который хоть брат-то будешь? «Темп-2» или «Темп-3»?

— Да хочу на «Темпе-6» остановиться! — объяснил я, тоже всхлипывая. — Как-никак, лучший телевизор. И экран 27х360!

После этих слов Игнат Спиридонович не выдержал и затрясся на моей губе, как ребенок.

— Какое человека терпеть! — воскликнул он, борясь с рыданиями. — Какой ученый пропадет!..

— На работу-то теперь приходишь, будешь, или уже не увидишь? — поинтересовался у меня многочисленные товарищи и коллеги.

— Какая же ему теперь работа! —

философски заметила наша уборица тетя Глаша. — Его теперь, кроме «Эстафеты новостей», ничего на свете интересовать не будет! У него теперь на уме один «Голубой огонек».

«Прогрест молодость да «КВН»! А ведь еще из старой мужичины — заметили заглянувшие в дверь сотрудники из соседнего отдела. — Еще бы жет детей родила?!

— Да что детей! — ответил им сотрудник из нашего отдела. — Овнук диссергаций мог бы назидать, шутку дождать, не меньше! Мы его, Спиридо-вичу, знаем.

— Прощай, Вячеслав, не поминай духом! — улыбаясь мне наша секретарша. — С тобой, как говорится, хоть на край света, сам знаешь, да, видно, не судиши!

— Ну что ты, Галочка! — попробовал возразить я. — Я ведь тебя по-прежнему люблю!

— Про любовь заговорил! — тихо запримечали женщины из соседнего отдела. — Еще ни о чем не догадывались!

— Какая же теперь любовь! — громко замескула тетя Глаша. — Разве у тебя теперь время будет? Скоро по третьему кругу светные передачи покажутся, будут по финансовой системе С В К А М. Где уж там!

— Пасквиль-то хоть будешь? Скажи! — не выдержала любимая, бросившись ко мне на грудь.

— Завтра — снова ответила за меня тетя Глаша. — Он теперь только отъезды стучит, вояки да отъезды на вопросы телеинжениторов.

— Ну ладно, будет вам! — мрачно прозвонил наш профтор, сматывая рукавом набелевавшую слезу. — Присиде, что ли, напосредот Солнцею обжам.

— Вот так. Взям у тебя уличеный! Задолжностей нет? Ну и с бегом! Стало быть, еще три месяца тебя в профсоюзе подержим, а там уж, извини, придется за непулать..

— То есть как? — удивился я. — Я ж плавать буду!

— Все сдержанно засмеялись. Некоторые женщины, насобор, протравили.

— Милый! — смеющаяся губы тетя Глаша. — У тебя теперь все зарываю на телевидение уедет! Одним техникан, почитай, тыш сороз уащиташ, пока не отругандуют. Потом ламиз, сменишь, предохранишь, автенту справишь, а там, глядишь, и трубу менять придется. А уж с трубой, дело прозвенное, живо в трубу вышати! Хорошо, если провять кто сажешь, а нет, так отощеешь — с места не поднимешься!

— А зачем ему подниматься? — зашумела сотрудница. — Какой смысл! Где сидит — там уж, как говорится, дажет!

— А почему же? — спросила другая. — Вечная ему память! — крикнул кто-то из товарищей.

— Наверное, вы так думаете! — попробовал было разубедить и опору наших товарищей. — Я же не передачу подка смотреть буду! Я только нево-торые!

— Опущившие товарищи не дали мне договорить.

Ишь, куда загнули! — закричал все в один голос.

— Знаем мы это «не все подним!» — Все так слепая говорит!

— Ну это уж слышно! — подумал я после чего в моих глазах замелькала несомысленная помех, присутствующие товарищи потеряли решимость, кон-трастность, яркость и прочие достоинства. Вскоре в моей голове послышался сильный треск, и я отключился от сознания.

Когда меня наконец отругандовали, я стремглав вылетел из отдела, помялся домой, сел за стол и, не едод с места, наблюдал этот жуткий, не-повторимый расказ в назидание потомству.

Найдите шесть различий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ.
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 11

1. Первый и третий.

2. 60 треугольников.

3. 1-4-3-2-6-5
4-6-5-3-1-2
6-1-2-4-5-3
3-2-4-1-3-6
3-1-1-6-2-4

4. Против часовой стрелки.

Главный редактор В. М. САМОХИН.
Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Доклатоской, А. Н. Ефремов (ответственный секретарь), К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Вузынский проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-40-51; международной жизни — Д 3-31-50; фельетона и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотографии и репортажа — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-08; оформления — Д 0-20-39.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Вудкина

А 00168. Подписано и печатно 30/У 1967 г. Формат бум. 70x108/8. Печ. д. 4. Усл. п. л. 5,8. Тираж 1 100 000. Изд. № 1190. Зава № 1712.

Однена Ленина типография газет «Правда» и «Известия» В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Арбат», 24.

ЕСЛИ Б Я БЫЛА ТОБОЙ

Слова Бориса БРЯНСКОГО
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Allergo moderato

Припев: Если б я была тобой,
Если б я была тобой,
Стал бы мир совсем
другой.
Если б я была тобой!
Мы с тобой уже дружили бы давно,
Парно легче, парно многое дано,
Каждый вечер привокала бы домой,
Если б я была тобой.

Припев.

Я тебя бы чаще под руку брала,
Никогда с тобой бы случной не была.
Не смеялась, не шутила бы с любовью,
Если б я была тобой.

Припев.

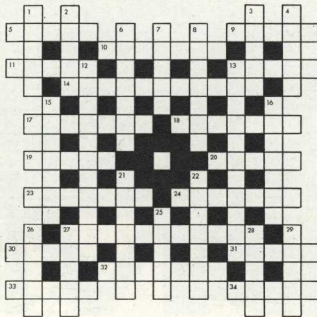
Я тебя бы от обид оберегла.
Я тебя бы прямо к солнцу поговла.
Назвала бы я тебя своей судьбой,
Если б я была тобой!

К Р О С С В О Р Д

Составил Л. ЛОКТЕВ,
г. Красный Луч, УССР.

По горизонтали:

5. Промышленное предприятие. 9. Народный писатель Латвии. 10. Остров в Средиземном море. 11. Двухрядная строительная машина. 13. Дикая лошадь, обитавшая в Азии. 14. Русский математик, первый в мире женщина-профессор. 17. Вид драматического произведения. 18. Громоздкий прибор. 19. Единично измеренная величина электрического тока. 20. Государство в Азии. 23. Здание амфитеатра в Древнем Риме. 24. Садовое ножище. 27. Специальность по созданию новых соединений и машин. 30. Областной центр на Украине. 31. Надстройка на верхней палубе судна. 32. Советский писатель, Герой Социалистического Труда. 33. Столица государства в Азии. 34. Диная утка.

По вертикали:

1. Камчатский бобр. 2. Деталь струнного инструмента. 3. Центр провинции в Италии. 4. Заключительная сцена оперы, балета. 6. Спутник планеты Уран. 7. Река в Западной Африке. 8. Советский художник-пейзажист. 12. Изобретатель парашюта. 13. Вещество, изменяющее скорость химической реакции. 15. Русская

народная сказка. 16. Древнегреческий философ и математик. 21. Парсонаж «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. 22. Установка для деления атомных ядер. 25. Химический элемент, газ. 26. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 27. Пушной зверь, обитающий на севере Тихого океана. 28. Драгоценный камень. 29. Электронная лампа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

7. «Гитарист». 8. Магнолия. 9. Аресо. 10. «Разгром». 11. Витрина. 12. Пресла. 13. Венция. 14. Геоция. 16. Естественность. 21. Хлопок. 23. Апогей. 25. Кильда. 27. Изменчивость. 28. Новелла. 29. Алехин. 30. «Горизонт». 31. Алемания.

По вертикали:

1. Цикламен. 2. Карагач. 3. Эспама. 4. Папоса. 5. Доверие. 6. Лимончик. 13. Руслан. 14. Прозан. 16. Клецы. 17. Графа. 19. Гаулуон. 20. Гоология. 22. Престия. 24. Орешник. 25. Квашня. 26. Анжаль.

Б. Шатокин. СОЛДАТ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Ч. Амангельдыев. ПОХОРОНЫ БОЙЦА

О. Лошаков. СТАРЫЙ ВЛАДИВОСТОК

